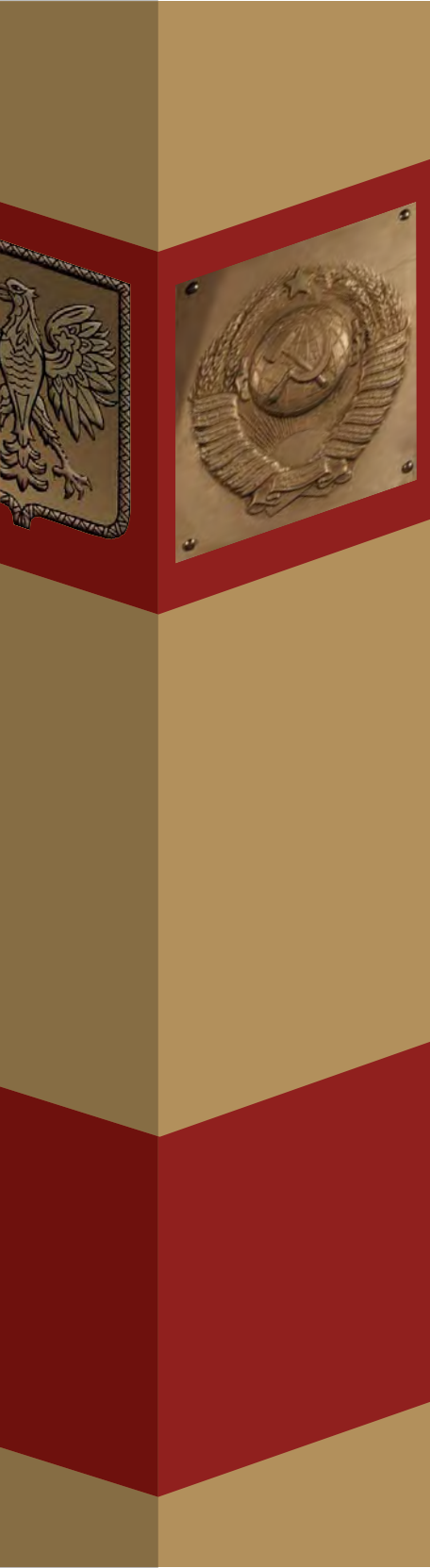

20 ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Фонд «Историческая память»

Александр Дюков

**«ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА»
В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ**

**Москва
2009**

УДК 94(100)”654”

ББК 63.3(0)62

Д 95

Д 95 **Дюков А.Р.** «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». – М., 2009. – 176 с.

Книга, которую Вы держите в руках – научно-популярная работа, в которой даны аргументированные ответы на ключевые вопросы, связанные с «пактом Молотова-Риббентропа» и бытующими в России и за рубежом представлениями о его последствиях.

Правда ли, что советско-германский пакт о ненападении являлся незаконным с точки зрения международного права? Правда ли, что Кремль намеренно подтолкнул начало Второй мировой войны? Правда ли, что прибалтийские страны лишились независимости вследствие советско-германского пакта? Какие страны сегодня пользуются «плодами пакта»? От ответов на эти и другие вопросы зависит восприятие прошлого и понимание причин его активной политизации в наши дни.

УДК 94 (477 «1945» (=411.16))

ББК 63.3 (4 Укр) 61-454

ISBN 978-5-9990-0005-7

© Дюков А.Р., текст, 2009

© Фонд «Историческая память», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семьдесят лет назад, 23 августа 1939 года нарком иностранных дел Советского Союза Вячеслав Молотов и его германский коллега Йоахим фон Риббентроп поставили подписи под советско-германским договором о ненападении. Сегодня этот договор, больше известный как «пакт Молотова-Риббентропа» и прилагавшийся к нему секретный протокол – пожалуй, самые демонизированные документы в истории отечественной дипломатии.

Что только не говорят о «пакте Молотова-Риббентропа»! Это-де, был зловещий сговор двух тоталитарных режимов, разделивший Европу, уничтоживший Польшу, лишивший независимости прибалтийские государства. Именно от советско-германского договора нам предлагают отсчитывать начало Второй мировой войны, именно этот документ якобы положил начало «советскому геноциду» народов Восточной Европы. И, разумеется, «пакт Молотова-Риббентропа» был абсолютно незаконен.

За этим дружным хором обличителей «дьявольского сговора» практически не слышны голоса профессиональных историков и юристов. Кто, помимо коллег-специалистов, знает о работах львовских юристов Владимира Макарчука и Игоря Адамчука, исследовавших советскую внешнюю политику 30-х – 40-х годов с правовой точки зрения? Кто знает о том, что петербургские историки Олег Кен и Александр Рупасов детально исследовали советскую политику по отношению к странам Прибалтики 20-х – 30-х годов – и пришли к далеким от обличительных мантр выводам? Более известны исследования московских историков Михаила Мельтюхова и Александра Шубина, но и их голоса практически не слышны.

Мы убеждены, что трагические события 30-х – 40-х годов XX века нужно исследовать как можно тщательнее. При этом, однако, необходимо соблюдать некоторые элементарные принципы научного исследования. Нужно помнить, что мерить былые события современными мер-

ками следует крайне осторожно, что использовать формулировки современного международного права для оценки действий Советского Союза в 30-х – 40-х годах столь же абсурдно, как и для оценки аннексии Техаса Соединенными Штатами, Столетней войны во Франции или римских завоеваний. Нельзя вырывать действия Советского Союза на международной арене из исторического и политического контекста, некорректно осуждать советские акции, закрывая глаза на аналогичные акции США, Великобритании и Франции. Подобный подход (а у него, к сожалению, достаточно много сторонников как в России, так и за рубежом) – совсем уж откровенная демонстрация двойных стандартов, недопустимых для историков. Столь же сомнительными для историка являются любые попытки подменять принципы историзма псевдоморальными спекуляциями; попытки, прямо направленные на политически ангажированное искажение прошлого.

Книга, которую Вы держите в руках – научно-популярная работа, автор которой попытался дать максимально лапидарные ответы на ключевые вопросы, связанные с «пактом Молотова-Риббентропа» и бытующими в России и за рубежом представлениями о его последствиях. Выбранный жанр работы имеет свою специфику: читателю не следует ожидать фундаментального исследования, «закрывающего» проблему. Его вниманию предлагается нечто принципиально другое: аргументированные ответы на самые волнующие вопросы.

Правда ли, что советско-германский пакт о ненападении являлся незаконным с точки зрения международного права? Правда ли, что Кремль намеренно подтолкнул начало Второй мировой войны? Правда ли, что прибалтийские страны лишились независимости вследствие советско-германского пакта? Какие страны сегодня пользуются «плодами пакта»? От ответов на эти и другие вопросы зависит восприятие прошлого и понимание причин его активной политизации в наши дни. ■

Вопрос №1

Вопрос № 1

УТВЕРЖДАЕТСЯ, ЧТО ЗАКЛЮЧЕНИЕ «ПАКТА МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА» БЫЛО ПРЕДПРЕДЕЛЕНО ТОТАЛИТАРНОЙ СУЩНОСТЬЮ НАЦИСТСКОГО И СТАЛИНСКОГО РЕЖИМОВ. НАСКОЛЬКО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО МОСКВА И БЕРЛИН ШЛИ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОДОБНОГО ПАКТА СО ВРЕМЕН УСТАНОВЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ГЕРМАНИИ И УКРЕПЛЕНИЯ СТАЛИНСКОГО – В СССР?

Тезис о том, что «тоталитарные режимы Германии и СССР неизбежно должны были договориться, поскольку оба они были тоталитарными» сегодня достаточно популярен, прежде всего – в Европе. Однако с действительностью этот тезис не имеет абсолютно ничего общего. На самом деле именно Советский Союз в 30-е годы выступал наиболее последовательным противником экспансионистских и реваншистских планов нацистской Германии.

Уже 3 февраля 1933 года, через несколько дней после назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии, лидер нацистской партии в качестве цели своей политики заявил «завоевание нового жизненного пространства на востоке и его беспощадную германизацию»¹. Спустя несколько недель нацистами был организован поджог здания Рейхстага, в котором были обвинены коммунисты. Последовавшие за этим преследования коммунистов, антиеврейские акции и костры из книг на площадях немецких городов не могли вызывать симпатий в Москве; уже в июне 1933 года СССР заявил Германии о прекращении военного сотрудничества. В дальнейшем советско-германские отношения продолжали ухудшаться. Когда полтора года спустя, в декабре 1934 года, советского посла в Лондоне Ивана Майского спросили об отношении СССР к Германии и Японии, ответ был лапидарен. «Наши отношения с этими двумя странами характеризуются... наличием сильных подозрений в том, что они имеют агрессивные стремления в отношении нашей территории», – ответил советский посол.²

Угроза немецкой экспансии на восток заставила советское руководство настойчиво противодействовать на-

Иван Михайлович Майский,
советский дипломат, чрезвычайный и
полномочный посол СССР в Великобритании
в 1932 - 1943 гг.

РИА "Новости"

Нарком иностранных дел СССР
Максим Литвинов в октябре 1934 года

цистским планам (разумеется, дипломатические контакты с Германией при этом не были разорваны). Этот курс прочно ассоциируется с именем наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова.

Первоначально потенциальную германскую экспансию предполагалось блокировать путем заключения двусторонних договоренностей со странами Восточной Европы. В декабре 1933 года СССР предложил Польше подписать совместную декларацию о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики, однако это предложение было отвергнуто все более и более ориентировавшейся на Берлин Варшавой. Тогда же Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о готовности СССР «на известных условиях вступить в Лигу Наций» и «заключить региональное соглашение о взаимной агрессии со стороны Германии».³

В мае 1934 года министр иностранных дел Франции Луи Барту предложил заключить договор о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом. Помимо этого, предполагалось заключить «Восточный пакт» – многостороннее соглашение о взаимном ненападении всех стран Восточной Европы, а также СССР и Германии. Кремль в целом поддержал эти проекты, поскольку они способствовали обеспечению безопасности советских границ.

Однако «Восточному пакту» не суждено было состояться: его подписание было блокировано дипломатическими усилиями Берлина и Варшавы, а его инициатор, Луи Барту, вместе с королем Югославии Александром был убит хорватскими террористами (при содействии нацистов) в

октябре 1934 года. А вот советско-французский пакт о взаимопомощи был подписан 2 мая 1935 года; ратификация его, впрочем, состоялась лишь в феврале 1936 года. Вслед за Францией договор о взаимопомощи с Советским Союзом подписала Чехословакия.

Первоначально потенциальную германскую экспансию предполагалось блокировать путем заключения двусторонних договоренностей со странами Восточной Европы. В декабре 1933 года СССР предложил Польше подписать совместную декларацию о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики, однако это предложение было отвергнуто все более и более ориентировавшейся на Берлин Варшавой.

Во время гражданской войны в Испании, в которую активно вмешались Германия и Италия, Советский Союз открыто поддерживал легитимное республиканское правительство. СССР поставлял в Испанию военную технику; советские военные специалисты воевали против франкистов, их немецких и итальянских союзников. Советская помощь республиканской Испании была особенно важна в условиях «невмешательства» Англии и Франции, закрывавших глаза на активное участие Германии и Италии в испанской войне.

17 марта 1938 года советское правительство предприняло очередную попытку по созданию системы «коллективной безопасности», предложив созвать международную конференцию для рассмотрения «практических мер против развития агрессии и опасности новой мировой бойни». Однако это предложение было отвергнуто Лондоном как «подрывающее перспективы установления мира в Европе».

Отказ Великобритании от проведения международной конференции по противодействию агрессии был не случаен. Лондон последовательно шел по пути «умиротворения» Германии, подталкивая нацистскую агрессию на восток. Западные страны лояльно отнеслись к ремилизации Рейнской области, к вмешательству Германии в испанскую гражданскую войну, к аншлюсу Австрии. 2 декабря 1937 года министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден уведомил Берлин, что Лондон не против ревизии границ в Восточной Европе – при условии, что это произойдет без войны.⁴

«Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности, – заявил британский премьер-министр Невилл Чемберлен 12 сентября 1938 года. – Наверное, мож-

Отказ Великобритании от проведения международной конференции по противодействию агрессии был не случаен. Лондон последовательно шел по пути «умиротворения» Германии, подталкивая нацистскую агрессию на восток.

«Мюнхенский сговор» состоялся за спиной Советского Союза и был воспринят в Кремле как наглядное свидетельство сближения между Гитлером, с одной стороны, и Великобританией и Францией – с другой. Это был катастрофический провал стратегии «коллективной безопасности». Перед СССР четко обозначилась перспектива остаться в одиночестве перед Германией, фактически установившей господство над всей Центральной Европой.

РИА "Новости"

Нарком иностранных дел СССР
Максим Максимович Литвинов в 1937 г.

“Я внимательно следил за русскими в Лиге Наций и в Комитете по невмешательству и без колебаний скажу, что Литвинов является единственным министром иностранных дел, который говорит на языке элементарной честности”

Посол США в Испании
К. Бауэрс,
3 ноября 1938 г.⁶

но будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России».⁵ Несколько недель спустя, 30 сентября, в Мюнхене состоялось совещание глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии, на котором было утверждено отторжение от Чехословакии ряда областей. «Мюнхенский сговор» состоялся за спиной Советского Союза и был воспринят в Кремле как наглядное свидетельство сближения между Гитлером, с одной стороны, и Великобританией и Францией – с другой.

Это был катастрофический провал стратегии «коллективной безопасности». Перед СССР четко обозначилась перспектива остаться в одиночестве перед Германией, фактически установившей господство над всей Центральной Европой. Ситуация осложнялась острым противостоянием с Японской империей на дальневосточных рубежах страны, вылившимся летом 1938 года в кровопролитные боевые действия на озере Хасан.

Тем не менее, советские дипломаты продолжали попытки сформировать антигитлеровскую систему «коллективной безопасности» и отчетливо прорисовывать ее контуры. 17 апреля 1939 года Советский Союз предложил Великобритании и Франции заключить соглашение о взаимной помощи, предусматривающее также оказание поддержки странам Восточной Европы в случае агрессии против них. И только после провала англо-франко-советских переговоров в Кремле было принято решение об обеспечении безопасности советских границ за счет договора с Германией.

Как видим, говорить о том, что Советский Союз последовательно шел к заключению пакта с нацистской Германией, невозможно. Напротив, внешняя политика СССР была последовательно направлена на противодействие германской агрессии и реваншизму. Именно этим советская внешняя политика отличалась от внешней политики других европейских государств.

Если задаться вопросом о государстве, которое действительно тесно взаимодействовало с Германией и продолжительное время поддерживало нацистские внешне-

политические акции, то нам следует обратить внимание на Польшу.

Когда в октябре 1933 года Берлин заявил об отзыве своих представителей с конференции по разоружению, возникла угроза применения Лигой Наций санкций против Германии. Варшава заверила Берлин, что не присоединится ни к каким санкциям против него.⁷ В декабре того же года Польша предложила Германии заключить антисоветский союз; на тот момент подобное предложение оказалось слишком радикальным даже для нацистского руководства.⁸ Вместо этого 26 января 1934 года была подписана польско-германская декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы.

В соответствии с пожеланиями Берлина и из-за территориальных противоречий с Литвой Варшава отказалась от подписания предложенной Советским Союзом декларации о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики, блокировала попытки создания «Восточного блока». Отвергнув 28 сентября 1934 года проект «Восточного пакта», Варшава уведомила Париж о готовности «связать отныне свою судьбу с судьбой Германии».⁹

Когда Германия начала ревизию европейских границ, аналогичные действия предприняла и Польша. В марте 1938 года Варшава организовала провокации на демаркационной линии с Литвой, предъявила ей ультиматум, требуя официально признать оккупированную польскими войсками в 1920 году и аннексированную в 1922 году Виленскую область польской территорией. В противном случае Польша угрожала Литве войной. Эта инициатива получила поддержку Берлина.¹⁰ Чуть позже вместе с Германией Польша приняла участие в расчленении Чехословакии, захватив Тешинскую область. Фактически Польша выступила в роли соагрессора; в состоявшейся 20 сентября 1938 года беседе с Гитлером польский посол в Берлине указал, что именно позиция его страны позволила пара-

Если задаться вопросом о государстве, которое действительно тесно взаимодействовало с Германией и продолжительное время поддерживало нацистские внешнеполитические акции, то нам следует обратить внимание на Польшу.

“Немцы были не единственными хищниками, терзавшими труп Чехословакии. Немедленно после заключения Мюнхенского соглашения 30 сентября польское правительство направило чешскому правительству ультиматум, на который надлежало дать ответ через 24 часа. Польское правительство потребовало немедленной передачи пограничного района Тешин... Пока на них падал отблеск могущества Германии, они постеснились захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии”

У. Черчилль,
«Вторая мировая война»¹¹

DPA/PHOTAS

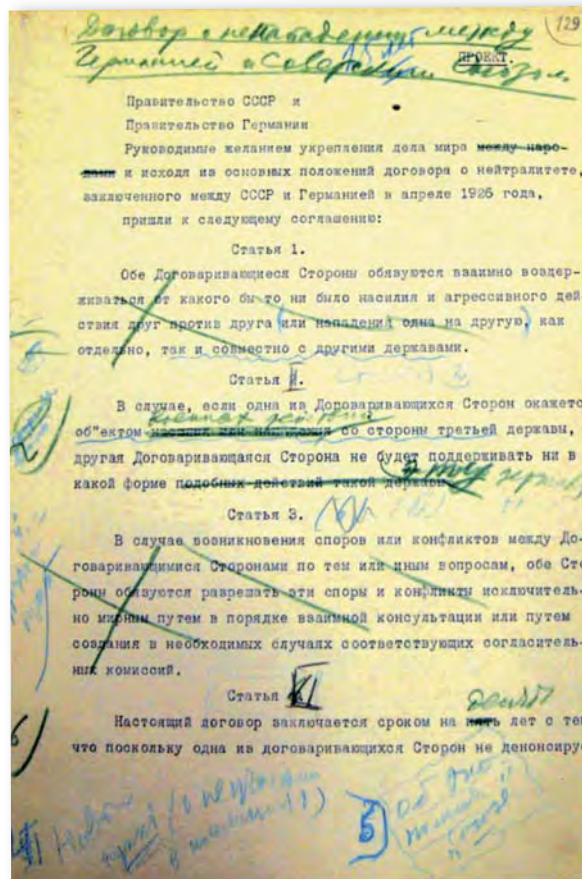

Премьер-министр Великобритании
Уинстон Черчилль
и британский дипломат Энтони Иден

лизовать «возможность интервенции Советов в чешском вопросе».¹² В марте 1939 года Польша опять оказалась по одну сторону баррикад с Германией, активно поддержав идею оккупации Закарпатской Украины Венгрией.

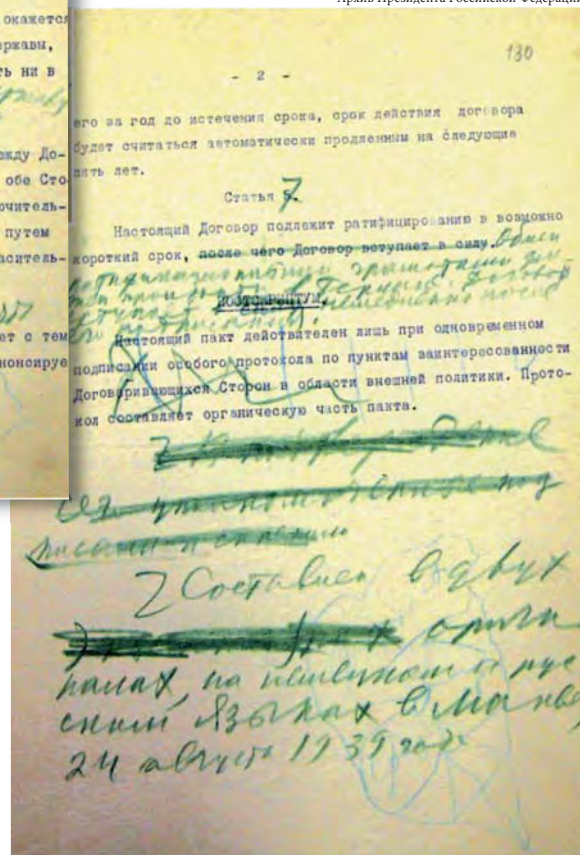
Современные польские историки пытаются убедить нас, что на самом деле Польша в 30-е годы всего лишь проводила политику «равновесия» между Германией и СССР. Однако это не соответствует действительности; вслед за российским историком Михаилом Мельтюховым следует признать, что в это время «позиция Польши, как правило, была ближе к позиции Германии и резко расходилось с позицией СССР».¹³

Нетрудно заметить существенную разницу между «германской» политикой Москвы и Варшавы в 1933 – 1938 гг., между противодействием нацистской агрессии и ее поддержкой. К сожалению, сегодня об этой разнице почему-то предпочитают не вспоминать. ■

ВАРИАНТ ТЕКСТА ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ
С ПОДРОБНОЙ ПРАВКОЙ И.В. СТАЛИНА

Архив Президента Российской Федерации

Вопрос №2

Вопрос № 2

Правда ли, что еще в ноябре 1938 года было подписано «Генеральное соглашение между НКВД и Гестапо», свидетельствующее о тесном сотрудничестве советского и нацистского режимов?

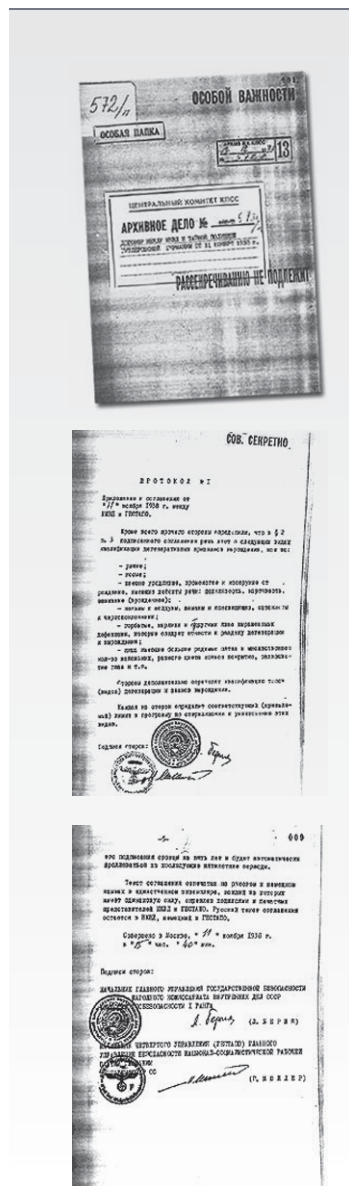
Так называемое «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)» – фальшивка, хорошо известная историкам. Впервые она была опубликована в выходящей в Москве антисемитской газете «Память» в 1999 году.¹⁴ Этот «документ», повествующий о совместной борьбе НКВД и гестапо против «еврейской угрозы», получил широкое распространение в российских ультранационалистических кругах и через некоторое время был частично воспроизведен в книге писателя Владимира Карпова «Генералиссимус». «Генеральное соглашение» также представлено на многочисленных ресурсах российского сегмента сети Интернет.

Руководитель
антисемитского движения «Память»
Дмитрий Васильев
демонстрирует подложное
«Генеральное соглашение».
Москва, февраль 1999 г.

Фото ИТАР-ТАСС

«Генеральное соглашение между НКВД и гестапо» – документ, сфальсифицированный в 90-е гг. XX века

Содержание «Генерального соглашения» неоспоримо свидетельствует о поддельности этого «документа». Согласно пометам на папке, в которой якобы было «найдено» «Генеральное соглашение», эта папка хранится в фонде 13 архива ЦК КПСС.¹⁵ Однако в фонде 13 этого архива (ныне Российский государственный архив новейшей истории) отложились документы Бюро ЦК КПСС по РСФСР, действовавшего в 1956–1966 гг. и не имевшего никакого отношения к органам НКВД. Никакого «Генерального соглашения» в фонде не хранится и не хранилось.

«Документ» подписан «начальником Четвертого управления (гестапо) Главного управления безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии бригадфюрером СС Г. Мюллером» 11 ноября 1938 года. Однако гестапо стало Четвертым управлением только 27 сентября 1939 года, когда было создано РСХА – Главное управление имперской безопасности. Таким образом, «Генеральное соглашение» подписано от имени не существовавшего к тому моменту ведомства.

Этим странности «документа» не исчерпываются.

Г. Мюллер к ноябрю 1938 года носил звание штандартенфюрера СС, а не бригадфюрера СС, как указано в «Генеральном соглашении». И гестапо он не возглавлял, а являлся начальником референта Главного управления полиции безопасности и СД. Более того, 11 ноября 1938 года Мюллер находился не в Москве, как явствует из «Соглашения», а в Берлине, подводя итоги знаменитой «Хрустальной ночи». Получается, что «Генеральное соглашение» от лица несуществующей организации подписал представитель другой организации, находившийся за тысячи километров от места подписания. И к тому же перепутавший собственное звание.

Однако и это еще не все. В «Генеральном соглашении» указывается, что Мюллер подписал его «на основании доверенности № I 448/12-1 от 3 ноября 1938 года, выданной шефом Главного управления безопасности Рейхсфюрера СС Рейхарда Гейдриха». Заверенный «руководителем секретариата НКВД СССР Мамуловым» перевод на русский

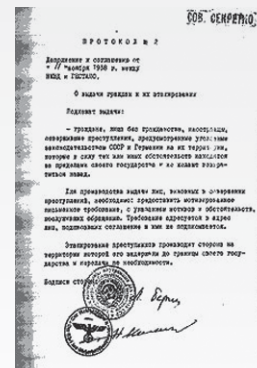
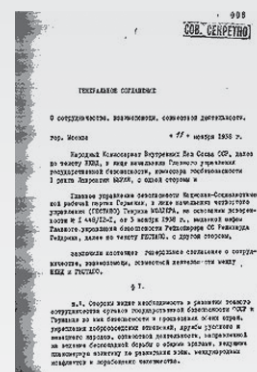
язык этой «доверенности» был опубликован в том же номере газеты «Память», что и «Генеральное соглашение». Однако Мамулов был назначен начальником Секретариата НКВД СССР только 3 января 1939 года – через два месяца после того, как он якобы заверил перевод «доверенности».

Как видим, фальшивка оказалась крайне грубой. Неудивительно, что она подверглась разгромной критике в российских СМИ сразу же после частичной перепечатки в книге В. Карпова «Генералиссимус». ¹⁶ Эта критика была добросовестно учтена фальсификаторами при изготовлении второй, исправленной версии «Генерального соглашения».

Второй вариант «Генерального соглашения» был введен в оборот через специализировавшегося на криминальной хронике журналиста телекомпании НТВ Сергея Канева. Как утверждал сам Канев, «человек, который принес эту папку, сообщил, что документ подлинный, из личного архива Л. Берии». ¹⁷ От опубликованной в газете «Память» новая версия «Генерального соглашения» отличалась существенно. Была изменена должность Мюллера – на сей раз она звучала как «представитель начальника Главного управления безопасности Германии». Звание «бригадфюрер СС» оказалось исправленным на более адекватное «штандартенфюрер СС». Текст «Генерального соглашения» был изменен; кроме того, появились сургучные печати и «личные пометки Берии». Однако некоторые свидетельства подложности остались; так, например, в новом варианте «Генерального соглашения» Мамулов по-прежнему значился «руководителем секретариата НКВД СССР». Вопрос о том, каким образом находившийся 11 ноября 1938 года в Берлине Мюллер смог в тот же день подписать «Генеральное соглашение» в Москве, также остался открытым.

Сергей Канев принял «Генеральное соглашение»

«Генеральное соглашение между НКВД и Гестапо» – документ, сфальсифицированный в 90-е гг. XX века

Как видим, фальшивка оказалась крайне грубой. Неудивительно, что она подверглась разгромной критике в российских СМИ сразу же после частичной перепечатки в книге В. Карпова «Генералиссимус». Эта критика была добросовестно учтена фальсификаторами при изготовлении второй, исправленной версии «Генерального соглашения».

за подлинный документ; снятый им фильм «НКВД и гестапо: Брак по расчету» в 2004 году был показан по телеканалу НТВ. Спустя четыре года снятые Каневым кадры второй версии «Генерального соглашения» вместе с рядом других фальшивок были использованы авторами латвийского псевдодокументального фильма «The Soviet Story».¹⁸ Возражений со стороны официальных латвийских историков на этот фильм не последовало; более того, это переполненная фальшивками и ложными утверждениями картина была ими одобрена. Этот факт, а так же использование «Соглашения» как подлинного документа в книге литовского историка Петраса Станкераса «Литовские полицейские батальоны»,¹⁹ свидетельствует о прогрессирующей деградации прибалтийской исторической науки. ■

Вопрос №3

Вопрос № 3

КАКИМИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ МОТИВАМИ РУКОВОДСТВОВАЛСЯ КРЕМЛЬ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ?

Очень часто приходится слышать, что заключая договор о ненападении с нацистской Германией и секретный протокол к нему, Сталин стремился «расширить свою империю». Однако это не соответствует действительности. Чтобы понять мотивы, которыми руководствовался Кремль, следует рассмотреть советскую внешнюю политику 30-х годов. Эта политика временами была противоречива, однако основные соображения, лежащие в ее основе, выделить нетрудно. И в 20-е, и в 30-е годы XX века советское руководство очень сильно волновали две проблемы: прибалтийская и украинская.

Прибалтийская проблема сводилась к следующему: в случае войны обосновавшийся в Прибалтике противник имел возможность, во-первых, блокировать Краснознаменный Балтийский флот и, во-вторых, с выгодных позиций начать наступление на Ленинград. А Ленинград был крайне важным промышленным и транспортным центром, потеря которого могла обернуться для Советского Союза настоящей катастрофой.

Именно поэтому советское руководство настойчиво добивалось нейтралитета Прибалтики, причем нейтралитета, надежно гарантированного соседними странами. Нейтралитет Прибалтики означал безопасность Ленинграда. «Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада», – констатировал в начале 1934 года заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек.²⁰

“Если бы мы не сделали своего заявления, не договорились о демаркационной линии с немцами, не дошли бы до нее, если бы не было всего этого, очевидно, связанного так или иначе — о чем приходилось догадываться — с договором о ненападении, то кто бы вступал в эти города и села, кто бы занял всю эту Западную Белоруссию, кто бы подошел на шестьдесят километров к Минску, почти к самому Минску? Немцы”

К. Симонов,
«Глазами человека
моего поколения»

СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО НАСТОЙЧИВО ДОБИВАЛАСЬ НЕЙТРАЛИТЕТА ПРИБАЛТИКИ, ПРИЧЕМ НЕЙТРАЛИТЕТА, НАДЕЖНО ГАРАНТИРОВАННОГО СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ. НЕЙТРАЛИТЕТ ПРИБАЛТИКИ ОЗНАЧАЛ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛЕНИНГРАДА.

Фото ИТАР-ТАСС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВКП(б)
Иосиф Виссарионович Сталин в 1939 году

Радек говорил о ситуации, к тому времени уже хорошо осознанной советским руководством: еще в декабре 1933 года СССР предложил Польше подписать совместную декларацию о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики, однако Варшава это предложение отвергла.²¹ Получив отказ польского руководства, Кремль попытался добиться гарантий независимости прибалтийских стран от Германии. Берлину было предложено подписать протокол, в котором правительства Германии и СССР обещали бы «неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности» прибалтийских государств. Однако Германия также отвергла это предложение.²² Следующей попыткой надежно обеспечить безопасность стран Прибалтики стал советско-французский проект «Восточного пакта», однако и ему было не суждено воплотиться в жизнь: правительство Франции в июне 1934 года отказалось предоставить гарантии прибалтийским республикам.²³

Крушение проектов коллективной безопасности и последовательное усиление германского влияния в странах Прибалтики вызывало в Кремле нешуточное беспокойство. В 1936 году Сталин публично выразил обеспокоенность в

Фотоархив Эстонии

Начальник эстонского генерального штаба
генерал-лейтенант Николай Реек
на праздновании юбилея Гитлера.
Берлин, 20 апреля 1939 года.

связи с возможностью сдачи прибалтийскими странами «границы в кредит» для агрессии против СССР.²⁴

К 1938 году тезис о возможности использования Германией стран Прибалтики в качестве плацдарма против СССР стал настолько общеупотребительным, что о нем подробно говорилось в даже предисловии к академическому изданию «Хроники» Генриха Латвийского – уникального источника по истории средневековой Прибалтики. «Для германского фашизма Прибалтика представляет большой интерес как антисоветский плацдарм, – говорилось в статье. – Этот вопрос живо обсуждается в балтийской печати и особенно в латвийской. В основу активной антисоветской политики германский империализм кладет возможность удара, в случае нападения Японии на Дальний Восток, по Советскому Союзу со стороны запада и в первую очередь со стороны Прибалтики. Балтийская печать открыто обсуждает такую возможность германской экспансии на балтийскую территорию с целью использования этой последней в качестве базы для операций против Советского Союза».²⁵

Мюнхенский сговор и последовавшие за ним события утвердили Кремль в правильности подобных опасений. 20 марта 1939 года Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпедскую область. Шантаж увенчался успехом; 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Клайпеды III Рейху, согласно которому стороны брали на себя обязательство о неприменении силы друг против друга. Одновременно появились слухи о заключении германо-эстонского договора, согласно которому немецкие войска получали право прохода через территорию Эстонии.²⁶ Насколько эти слухи соответствовали действительности, было неизвестно, однако дальнейшие события усилили подозрения Кремля.

Советский Союз попытался обеспечить нейтралитет Прибалтики при помощи соглашения с Англией и Францией. Москва дважды, в апреле и мае 1939 года, предлагала западным великим державам предоставить совместные гарантии прибалтийским республикам, однако безуспешно.

ITAR-TASS/PHOTAS/PA Photos

Премьер министр Великобритании
Уинстон Черчилль на улице Лондона
в сентябре 1940 года.

**Крушение проектов
коллективной безопасности
и последовательное усиление
германского влияния в странах
Прибалтики вызывало в Кремле
нешуточное беспокойство.
В 1936 году Сталин публично
выразил обеспокоенность в
связи с возможностью сдачи
прибалтийскими странами
«границы в кредит» для
агрессии против СССР.**

Переговоры СССР с Англией и Францией все еще шли, когда 7 июня Латвия и Эстония заключили с Германией договоры о ненападении. Вслед за этим Эстонию посетили руководитель Генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Франц Гальдер и руководитель Абвера адмирал Вильгельм Канарис. Укрепление позиций Германии в Прибалтике происходило прямо на глазах. Давние опасения советского руководства о превращении Прибалтики в плацдарм для агрессии против СССР воплощались на практике. «Суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней», – замечают историки Олег Кен и Александр

Посол Литвы в Германии Скирка и министр иностранных дел Германии Иоганн фон Риббентроп подписывают акт о передаче Германии в г.Мемель (Клайпеда). 23 марта 1939 г.

РГАСО

Рупасов.²⁷ Воевать против Германии в одиночестве Советский Союз не желал; заключить союз с Англией и Францией не удалось. Оставалось только договариваться с Германией...

Мы уже упоминали, что наравне с прибалтийской существовала и еще одна внешнеполитическая проблема, непрестанно тревожившая Кремль – украинская.

В результате малоудачной для Москвы советско-польской войны 1919 – 1921 годов украинская нация оказалась разделенной. Для СССР это создавало серьезную опасность – возможность создания украинского квазигосударственного образования и использования его противником для отторжения Украины от Советского Союза.

Изначально в качестве противника, способного использовать «украинскую карту», в Кремле рассматривали Варшаву. Однако вскоре после прихода нацистов к власти в Германии, стало понятно, что разыгрывать эту карту собирается и Берлин. Летом 1933 года Альфред Розенберг упомянул о возможности передачи украинских земель Польше в обмен на «Данцингский коридор». Этот план фигурировал и в речи спонсировавшего нацистов магната Альфреда Гугенберга на Лондонской экономической конференции в июне 1933 года.²⁸ В ответ Кремль уведомил Варшаву, что любая польская активность на украинской территории будет рассматриваться «как сознательное или бессознательное выполнение немецких планов на востоке».²⁹

Дальнейшие события подтвердили опасения Кремля. В качестве обоснования раздела Чехословакии нацисты использовали проблему национальных меньшинств. Что же мешало им использовать этот же сценарий против СССР? Тем более, что нацистские спецслужбы имели более чем тесные связи с нелегальной Организацией украинских националистов (ОУН).

В результате малоудачной для Москвы советско-польской войны 1919 - 1921 годов украинская нация оказалась разделенной. Для СССР это создавало серьезную опасность - возможность создания украинского квазигосударственного образования и использования его противником для отторжения Украины от Советского Союза.

Руководитель ОУН Андрей Мельник

Международная актуализация «украинского вопроса» осенью 1938 года была связана с получившей автономию в результате Мюнхенского сговора Закарпатской Украиной. Именно эта территория рассматривалась как зародыш марионеточного украинского государства

В конце 1938 – 1939 года о такой возможности открыто говорили и в Лондоне, и в Париже, и в Берлине. «Англии в ближайшем будущем не угрожает война, – говорил специальный помощник премьер-министра Великобритании Хорас Вильсон. – Следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что и в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышки, восстания украинского населения, затем «освобождение» Украины Гитлером».³⁰

«Стремление третьего рейха к экспансии на Востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на западе, одно вытекает из другого, – писал в декабре 1938 года посол Франции в Берлине Роберт Кулондр. – Стать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией – таковой в основном кажется концепция, принятая нацистскими руководителями».³¹

Международная актуализация «украинского вопроса» осенью 1938 года была связана с получившей автономию в результате Мюнхенского сговора Закарпатской Украиной. Именно эта территория рассматривалась как зародыш марионеточного украинского государства.

Однако подобная возможность встревожила не только СССР, но и Польшу, опасавшуюся потерять Западную Украину. Это беспокойство Варшава донесла до Берлина; в ответ полякам был предложен план, опасность реализации которого советское руководство осознало еще в середине 30-х годов. План был прост: Польша отдает Германии Данциг (Гданьск) и «коридор», а взамен получает территориальную «компенсацию» на Украине.

Предложение было сделано в январе 1939 года министру иностранных дел Польши Беку самим Гитлером; чуть позже об этом же с главой польского МИДа говорил его коллега Риббентроп.³² Через некоторое время запись этих бесед, добытая советской разведкой, легла на стол Сталина.

Варшава признавала, что не отказалась от завоевательных планов на Украине, однако соглашаться на передачу

Данцига и «коридора» не спешила. Для того, чтобы развеять подозрения польского руководства, в Берлине отказались от проекта Закарпатской Украины; в марте 1939 года она была передана Венгрии.

Однако соглашения с Варшавой Берлину достичь так и не удалось: не желая становиться младшим партнером Германии, в конце марта 1939 года польское руководство отвергло германские предложения. В свою очередь, Гитлер отдал приказ о подготовке войны против Польши.

Разрастающийся конфликт между Германией и Польшей, однако, не снимал с повестки дня «украинского вопроса». Германия могла использовать его для расчленения Польши по чехословацкому образцу, и тогда следующей на очереди опять-таки оказывался СССР. А если случится война и германские войска одержат победу? Кто мог дать гарантию, что в этом случае не будет создана марионеточная Украина?

В Кремле умели прочитывать варианты. И когда стало ясно, что заключение направленного на противодействие нацистской агрессии договора с Англией и Францией маловероятно, а Польша принимать советскую помощь не хочет, было решено обеспечить свои национальные интересы путем соглашения с Германией.

Заключение договора о ненападении с Германией и секретного протокола к нему позволило Советскому Союзу на некоторое время обеспечить безопасность на прибалтийском и украинском направлениях и в определенной мере блокировать реализацию негативных для СССР сценариев нацистской агрессии на восток. К сожалению, добиться схожих результатов другими путями Советскому Союзу не удалось. ■

В КРЕМЛЕ УМЕЛИ ПРОЧИТЫВАТЬ ВАРИАНТЫ. И КОГДА СТАЛО ЯСНО, ЧТО ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАПРАВЛЕННОГО НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАЦИСТСКОЙ АГРЕССИИ ДОГОВОРА С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ МАЛОВЕРОЯТНО, А ПОЛЬША ПРИНИМАТЬ СОВЕТСКУЮ ПОМОЩЬ НЕ ХОЧЕТ, БЫЛО РЕШЕНО ОБЕСПЕЧИТЬ СВОИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПУТЕМ СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ.

“ Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной”

У. Черчилль,
«Вторая мировая война»³³

Вопрос №4

Вопрос № 4

Правда ли, что советское руководство намеренно сорвало подписание соглашения с Великобританией и Францией летом 1939 года?

Подобные обвинения звучат достаточно часто, однако действительности они не соответствуют. Давайте рассмотрим ход переговоров между СССР, Великобританией и Францией весной – летом 1939 года. В марте 1939 года Германия оккупировала остатки Чехословакии. Это было прямым нарушением мюнхенских соглашений, однако ни Великобритания, ни Франция, заранее располагавшие информацией о планах Гитлера, не оказали противодействия агрессору. Все ограничилось дипломатическими протестами, а Лондон даже тайно вернул в Прагу (то есть нацистам) хранившиеся в английских банках чехословацкие активы. Вместе с тем, действия Гитлера не могли не вызвать беспокойство, а потому 18 марта британское правительство запросило Советский Союз, Польшу, Грецию, Турцию и Югославию об их позиции в случае нападения Германии на Румынию. В ответ Москва предложила созвать международную конференцию с участием СССР, Великобритании, Франции и восточноевропейских стран для обсуждения сложившейся ситуации. Лондон, в свою очередь, предложил подписать англо-франко-советско-польскую декларацию о консультациях в случае агрессии. Это предложение, направленное на формирование системы «коллективной безопасности», как и многие другие до него, было сорвано Польшей. Варшава отказалась подписывать документ, на котором будет стоять виза советского представителя, а подписывать декларацию без Польши СССР не хотел – ведь это могло привести к окончательному переходу Варшавы на сторону Берлина. И тогда безопасность советских границ оказывалась под угрозой. Как мы

“Если бы, например, мистер Чемберлен по получению русского предложения сказал: «Да, объединимся вместе все трое и сломаем Гитлеру шею», или какие-либо иные слова того же содержания, парламент это одобрил бы, Сталин это принял бы, и история могла принять другое течение... Вместо этого последовало долгое молчание, а тем временем подготовлялись разные полумеры и крючкотворные компромиссы”

У. Черчилль,
«Вторая мировая война»

В марте 1939 года Германия оккупировала остатки Чехословакии. Это было прямым нарушением мюнхенских соглашений, однако ни Великобритания, ни Франция, заранее располагавшие информацией о планах Гитлера, не оказали противодействия агрессору.

Иосиф Сталин и Климент Ворошилов
в зале заседаний Верховного Совета СССР

РИА "Новости"

Кремль серьезно опасался, что в случае, если Польша и Германия достигнут договоренности (а подобного варианта с учетом польской политики 30-х годов и недавнего соучастия Варшавы в расчленении Чехословакии исключить было невозможно) английские гарантии Польше приобретут антисоветскую направленность.

помним, на стол Сталина как раз в это время легли данные о переговорах Гитлера и Риббентропа с министром иностранных дел Польши Беком в январе 1939 года. Переговорах, в ходе которого Польше предлагалось принять участие в действиях против СССР.

Идея многосторонней декларации о консультациях в случае агрессии была похоронена уже к концу марта 1939 года. 31 марта Великобритания пошла на односторонние гарантии независимости Польши. Для Кремля это было очередным недружественным жестом демонстрацией его «второсортности»: как и в Мюнхене, важнейший вопрос, касавшейся безопасности СССР, был решен за его спиной, без учета его интересов. «Все выгоды от последней англо-французской суетни достались пока лишь Беку, который имеет возможность занять более решительную позицию в переговорах с Гитлером и добиться сделки за счет Литвы и Прибалтики, – писал советскому полпреду в Париже нарком иностранных дел Литвинов. – Это ли борьба с агрессией, когда одновременно будут удовлетворены захватнические интересы и Германии (отвоевание «коридора» и Данцига) и Польши?»³⁴

Как видим, Кремль серьезно опасался, что в случае, если Польша и Германия достигнут договоренности (а подобного варианта с учетом польской политики 30-х годов и недавнего соучастия Варшавы в расчленении Чехословакии исключить было невозможно) английские гарантии Польше приобретут антисоветскую направленность. Неудивительно поэтому, что на следующий день после публикации английских гарантий Польше Литвинов уведомил посла Великобритании в СССР, что «мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам».³⁵

Франция была заинтересована в советской помощи несравненно больше Великобритании; в середине апреля Париж предложил Москве обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и уведомил о готовности услышать советские предложения о сотрудничестве. Великобритания же, не желавшая свя-

РИА «Новости», STG

В начале августа 1939 года английская и французская военные миссии приехали в Москву для переговоров с Советским Союзом. На фотографии адмирал Реджинальд Дракс и генерал Жозеф Дыменк

В июле на стол Сталину легла перехваченная советской военной разведкой телеграмма посла Германии в Эстонии Форвайна, в которой содержалась информация о том, что британское правительство месяцем раньше «не возражало против заключения германо-эстонского пакта о ненападении». С учетом значимости «прибалтийского вопроса» для советского руководства, эта информация не могла восприниматься иначе, как очередное свидетельство британской двойной игры.

зывать себя обязательствами по отношению к СССР, предложила Москве в одностороннем порядке заявить о поддержке западных соседей в случае нападения на них Германии.

В Кремле британское предложение вполне обоснованно восприняли как провокацию. В случае одно-

сторонних гарантий восточноевропейским странам СССР был бы вынужден вступить в войну против Германии без гарантий помощи со стороны Великобритании и Франции. Памятуя опыт недавно проигранной войны в Испании (Франция и Великобритания тогда заявили о «нейтралитете», закрыв глаза на прямое участие в боевых действиях войск Германии и Италии), опасения Кремля следует признать обоснованными.

СССР не хотел быть игрушкой в чужих политических раскладах, он хотел иметь настоящий союз с Великобританией и Францией, а не его имитацию. 17 апреля 1939 года Москва предложила Лондону и Парижу заключить договор о взаимопомощи. Однако Великобритания и Франция вместо четкого ответа прибегли к тактике проволочек. Более того, 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин о том, что советское предложение принято не будет.³⁶ Тем не менее, переговоры продолжались.

Мы не будем здесь подробно излагать ход англо-франко-советских переговоров; это тема отдельной публикации. Кроме того, за перечислением череды дипломатических демаршей можно упустить суть происходившего, причину, по которой соглашение между Великобританией, Францией и Советским Союзом так и не было заключено. А причин, тому было несколько.

Во-первых, Великобритания вовсе не стремилась к заключению равноправного договора с СССР; она хотела сохранить свободу маневра, в том числе – для подготовки

“Кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на неуступчивости СССР пред общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессором”

«Правда»,
29 июня 1939 г.³⁷

нового соглашения с Германией. Об этом ясно свидетельствуют действия британской дипломатии; например, в июле 1939 года Лондон проинформировал Берлин, что переговоры с другими странами (то есть с СССР) «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель – соглашение с Германией».³⁸ Еще более показательны были практические действия Великобритании. Обнародование 24 июля британско-японского соглашения, известного как «пакт Арита-Крейги», согласно которому Великобритания признавала за Японией право «законно» владеть оккупированными ею территориями,³⁹ было наглядным свидетельством нежелания подписывать соглашение с СССР: ведь Япония была союзником Германии и как раз в это время воевала против СССР на реке Халхин-Гол. В июле на стол Сталину легла перехваченная советской военной разведкой телеграмма посла Германии в Эстонии Форвайна, в которой содержалась информация о том, что британское правительство месяцем раньше «не возражало против заключения германо-эстонского пакта о ненападении».⁴⁰ С учетом значимости «прибалтийского вопроса» для советского руководства, эта информация не могла восприниматься иначе, как очередное свидетельство британской двойной игры.

Во-вторых, заключение договора Советский Союз по причинам, о которых мы уже говорили, связывал с гарантиями нейтралитета Польши и стран Прибалтики. Однако и Польша, и прибалтийские республики против получения таких гарантий резко протестовали. Еще в конце апреля Варшава довела до сведения Берлина, что «Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России».⁴¹ Аналогичное заявление последовало и с эстонской стороны: 19 июня посол Эстонии в Москве Аугуст Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что помощь СССР заставит Эстонию выступить на стороне Германии. Иррациональный антисоветизм Польши и Прибалтики препятствовал заключению англо-франко-советского союза.

Советские воины во время обстрела японских позиций В-й (Квантунской) армии

Очень часто приходится слышать утверждения, что инструкция Сталина была якобы направлена на срыв переговоров с Великобританией и Францией. Однако действительности это не соответствует. Как мы помним, британская делегация имела инструкцию прибегать к привычной тактике проволочек. Кремль же в условиях нарастающей опасности нацистской экспансии на восток хотел услышать, наконец, четкий ответ: да или нет. Намерение сорвать переговоры в этом может усмотреть только очень предвзятый человек.

менных полномочий на ведение переговоров и подписание военного соглашения. Более того, она была снабжена весьма интересной инструкцией: для того, чтобы британское правительство не было «втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах», на переговорах «в отношении военного соглашения следует ограничиваться сколь возможно более общими формулировками». ⁴² Заключать соглашение с СССР правительство Чемберлена не желало; оно хотело лишь использовать факт переговоров для давления на Гитлера.

В Кремле британские намерения прекрасно понимали; после Мюнхена, односторонних гарантий Польше, провала переговоров по политическому соглашению в апреле – июне 1939 года и «пакта Арита-Крейги» было бы странно испытывать какие-либо иллюзии. И потому советские переговорщики получили от Сталина распоряжение сразу поставить вопрос ребром. «Прежде всего выложить свои полномочия о ведении переговоров с англо-французской военной делегацией о подписании военной конвенции, а потом спросить руководителей английской и французской делегаций, есть ли у них также полномочия от своих правительств на подписание военной конвенции с СССР... Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР...» ⁴³

В июле СССР сделал последнюю попытку заключить союз с Великобританией и Францией, предложив подписать военное соглашение. Лондон и Париж пошли на проведение этих переговоров, однако делегации, посланные в Москву, не отличались представительностью. При этом английская делегация даже не имела пись-

Очень часто приходится слышать утверждения, что инструкция Сталина была якобы направлена на срыв переговоров с Великобританией и Францией. Однако действительности это не соответствует. Как мы помним, британская делегация имела инструкцию прибегать к привычной тактике проволочек. Кремль же в условиях нарастающей опасности нацистской экспансии на восток хотел услышать, наконец, четкий ответ: да или нет. Намерение сорвать переговоры в этом может усмотреть только очень предвзятый человек. «Не подлежит сомнению, что СССР желает военного пакта и не желает получить от нас нечто вроде документа без конкретного значения», – констатировал глава французской военной миссии в Москве генерал Ж. Думенк.⁴⁴

Как видим, Советский Союз вовсе не стремился к срыву переговоров с Францией и Великобританией. Напротив, советское руководство стремилось заключить четкое и исчерпывающее соглашение, направленное на противодействие нацистской агрессии. Однако Великобритания заключать такое соглашение не желала, этому соглашению активно препятствовали Польша и страны Прибалтики. Неудивительно поэтому, что соглашение не было заключено. ■

“ Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Англией и Францией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий ”

Глава советской делегации на англо-франко-советских переговорах, нарком обороны СССР
К. Ворошилов,
27 августа 1939 г.⁴⁵

Вопрос №5

Вопрос № 5

Повлияли ли на решение Кремля заключить договор о ненападении с Германией действия стран Прибалтики летом 1939 года?

Мы уже говорили о том, что Прибалтика рассматривалась в Кремле как регион, от положения которого напрямую зависела безопасность СССР. Москву удовлетворяла нейтральная Прибалтика; любые же признаки усиления в регионе германского влияния воспринимались как свидетельство угрозы.

В 1939 году тревогу Кремля по поводу укрепления позиций Берлина в Прибалтике было невозможно списать на мнительность. 19 марта Германия предъявила Литве ультиматум с требованием немедленного «возвращения» города Клайпеды (Мемель). Литовское руководство было вынуждено согласиться с этим диктатом. 22 марта состоялось подписание германо-литовского договора о передаче Клайпеды, по улицам которой прошли немецкие войска. Это стало более чем наглядным свидетельством стремительного роста германского влияния в Прибалтике. И Москву это не могло не взволновать.

28 марта советский нарком иностранных дел Максим Литвинов вручил заявления эстонскому и латвийскому посланникам в Москве. Заявления были однотипными: в них напоминалось о договорах, заключенных СССР с этими странами в 1920 и 1932 годах, об усилиях по обеспечению безопасности прибалтийских республик, предпринятых ранее Москвой. После этого следовало недвусмысленное предупреждение: «Какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение

“Разведка Эстонии имела с нами очень тесные связи. Мы постоянно оказывали ей финансовую и техническую помощь. Деятельность эстонской разведки была направлена исключительно против Советского Союза. Начальник разведки полковник Маазинг ежегодно приезжал к нам в Берлин”

Из показаний
начальника отдела
«Абвер-1» Г. Пиккенброка,
25 февраля 1946 г.⁴⁶

19 марта Германия предъявила Литве ультиматум с требованием немедленного «возвращения» города Клайпеды (Мемель). Литовское руководство было вынуждено согласиться с этим диктатом. 22 марта состоялось подписание германо-литовского договора о передаче Клайпеды, по улицам которой прошли немецкие войска. Это стало более чем наглядным свидетельством стремительного роста германского влияния в Прибалтике.

В то время, как Москва пыталась достигнуть договоренности с Лондоном и Парижем, Таллин и Рига, не принявшие во внимание советского предупреждения от 28 марта, активизировали взаимодействие с Берлином.

независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление

ему каких-либо исключительных прав или привилегий, как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми с предпосылками названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Латвией, и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями».⁴⁷

Это было недвусмысленное предупреждение для Таллина и Риги: оставаться нейтральными. В случае же нарушения нейтралитета, означавшего появление серьезной угрозы безопасности СССР, Москва оставляла за собой право противодействовать этой угрозе так, как сочтет нужным.

Советские заявления от 28 марта 1939 года очень часто рассматривают как свидетельство злобещих покушений Кремля на независимость Эстонии и Латвии. Однако сегодня мы знаем то, чего не знали участники событий: в Берлине как раз в это время обсуждался вопрос об экспансии на прибалтийском направлении. В утвержденной 11 апреля Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг.» указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи». Таким образом, опасения Советского Союза были оправданы на все сто процентов. Ситуация складывалась таким образом, что только совместные гарантии СССР, Франции и Англии могли спасти независимость и нейтралитет Прибалтики.

Фотоархив Эстонии

Подписание германо-эстонского
и германо-латвийского договоров
о ненападении.
Берлин, 7 июня 1939 года.

Фотоархив Эстонии

Капитан германского крейсера
«Адмирал Хиппер»
Гельмут Хейе во время визита
в Таллин 16 июля 1939 года.

В то время, как Москва пыталась достигнуть договоренности с Лондоном и Парижем, Таллин и Рига, не принявшие во внимание советского предупреждения от 28 марта, активизировали взаимодействие с Берлином. 20 апреля 1939 года начальник штаба латвийской армии М.Хартманис и командующий Курземской дивизией О.Данкерс прибыли в Берлин для участия в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера и были лично приняты фюрером, вручившим им награды. Прибыл на юбилей Гитлера и начальник эстонского генерального штаба генерал-лейтенант Николай Реек.

Объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистскую Германию дает современный историк Магнус Ильярв: «После заключения Мюнхенского пакта... латвийское внешнеполитическое руководство начало обсуждать «безусловный нейтралитет», который в основном означал внешнеполитическую ориентацию на Германию. В отличие от Латвии с 1935 – 1936 гг. эстонское военное и политическое руководство рассматривало СССР в качестве главной угрозы их суверенитету, в то время как широкие слои населения страны боялись в первую очередь Германию. К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма».⁴⁸

7 июня 1939 года в столице Германии состоялось подписание договоров о ненападении между Германией, Латвией и Эстонией. «Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении, – писал впоследствии Черчилль. – Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него».⁴⁹

“Интерес СССР к косвенной агрессии – и вообще к обеспечению Прибалтийских стран обусловлен главным образом страхом перед Германией, а не вследствие его злых намерений в отношении балтийских стран, как многие предполагают”

Директор департамента
МИД Великобритании
У. Стренг,
22 августа 1939 г.⁵⁰

Вскоре посол Эстонии в Лондоне представил британским дипломатам меморандум, согласно которому Эстония будет рассматривать «автоматическую помощь» как недружественный акт. 19 июня посол Эстонии в Москве Аугуст Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что помощь СССР заставит Эстонию выступить на стороне Германии.

Громкими заявлениями дело не ограничилось; летом 1939 года Эстонию посетили руководитель Генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Гальдер и руководитель Абвера адмирал Канарис.

Современные исследователи задаются вопросом, сопровождалась ли прибалтийские пакты о ненападении с Германией секретными протоколами, направленными против Советского Союза. Эстонский историк М.Ильмъярв в этой связи ссылается на найденный германским исследователем Рольфом Аманном внутренний меморандум шефа немецкой Службы новостей для заграницы Дертингера от 8 июня 1939 года, в котором говорится о том, что Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости умного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы».⁵¹ В любом случае, сами германо-прибалтийские пакты и обстоятельства их подписания показали обоснованность опасений советского руководства.

Еще раз процитируем российских историков Олега Кена и Александра Рупасова о ситуации, в которой оказался Кремль после 7 июня 1939 года: «Суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней».⁵²

Современные исследователи задаются вопросом, сопровождалась ли прибалтийские пакты о ненападении с Германией секретными протоколами, направленными против Советского Союза.

Нарком иностранных дел СССР
Максим Литвинов.

РИА "Новости"

Латвия и Эстония стали разменной монетой в геополитической игре Гитлера. Однако в том, что случилось, эстонские и латышские власти могли винить прежде всего себя.

Получить на своей западной границе форпост III Рейха было не самой приятной перспективной для Кремля. И поэтому когда спустя не-

продолжительное время из Берлина поступило предложение «разделить сферы влияния», вопрос о Латвии и Эстонии был дополнительным аргументом в пользу заключения пакта «Молотова – Риббентропа».

Латвия и Эстония стали разменной монетой в геополитической игре Гитлера. Однако в том, что случилось, эстонские и латышские власти могли винить прежде всего себя. Под прикрытием лозунга о «безоговорочном нейтралитете» Рига и Таллин настойчиво воплощали в жизнь прогерманскую политику. Сразу же после заключения советско-германского договора о ненападении немецкий посол Форевейн в беседе с эстонским министром иностранных дел с иезуитской иронией отметил: «Навряд ли пакт мог бы быть подписан в таком виде, если бы Прибалтийские государства, и в первую очередь Эстония, не придерживались бы так твердо и неуклонно нейтрального направления в своей внешней политике».⁵³ ■

Вопрос №6

Вопрос № 6

Каковы могли быть альтернативы подписания советско-германского договора о ненападении?

В отличие от участников мирового кризиса 1938-1939 гг., мы имеем возможность смотреть на события ретроспективно. Мы знаем, что 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, что спустя несколько дней, 3 сентября, Великобритания и Франция объявили войну Германии. Мы знаем, каковы были действия Советского Союза, прибалтийских и восточноевропейских стран, мы знаем, чем закончилась германо-польская война. И это знание мешает нам воспринимать события так, как воспринимали их непосредственные участники событий в Кремле, Берлине, Лондоне, Париже, Варшаве.

Мы знаем, что Германия напала на Польшу – однако вплоть до 1 сентября никто не мог поручиться, что это произойдет. Варшава могла согласиться на нацистский диктат, Германия могла прибегнуть не к войне, а к жесткому дипломатическому нажиму, как в случае Чехословакии. И даже после того, как война началась – кто мог поручиться, что в нее вступят Великобритания и Франция, что они не предпочтут войне договоренность с Гитлером, второе, польское, издание Мюнхена?

Без понимания этой непредрешенности дальнейших событий, без разбора альтернатив, невозможно понять ни действия участников событий, ни смысл советско-германского договора о ненападении.

Какими виделись альтернативы пакту Молотова-Риббентропа советскому руководству в августе 1939 года? Вариантов было несколько.

Вариант первый: Советский Союз не подписывает соглашения с Германией, продолжает безуспешные переговоры с Великобрита-

Без понимания этой непредрешенности дальнейших событий, без разбора альтернатив, невозможно понять ни действия участников событий, ни смысл советско-германского договора о ненападении.

“Мы предпочитали соглашение с так называемыми демокр. странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить!”

Генеральный секретарь
ЦК ВКП(б) И. Сталин,
7 сентября 1939 г.⁵⁴

нией и Францией. Лондон тем временем договаривается о разграничении сфер влияния с Берлином. Происходит новое издание Мюнхенского сговора; Польша лишена Данцига и «коридора», окончательно превращена в нацистского сателлита. Германия укрепляется в Прибалтике, на Западной Украине под германским контролем создается марионеточное «украинское государство», в Западной Белоруссии – марионеточное «белорусское государство». Гитлер получает возможность проводить политику по отрыву от СССР западных территорий при нейтралитете Великобритании и Франции. Безрадостная перспектива, и как не печально, очень реальная: 22 августа в Лондон для переговоров должен был лететь ближайший соратник фюрера Герман Геринг.

Вариант второй: Великобритания, Франция и СССР заключают соглашение и блокируют нацистскую агрессию. Вариант великолепный, но, увы, нереализуемый: Великобритания не хочет связывать себе руки соглашением с СССР, и переговоры провалены.

Вариант третий: Советский Союз не подписывает соглашения с Германией, Гитлер нападает на Польшу. Великобритания и Франция ограничиваются дипломатическими демаршами, но делом в события не вмешиваются. Советский Союз остается нейтральным и в германо-польскую войну не вмешиваются. Польские войска разбиты, Германия либо полностью оккупирует Польшу, либо (что вероятнее) делит ее на части как Чехословакию. Последствия все те же: укрепление Германии в Прибалтике, возможность появления марионеточных украинского и белорусского «государств».

Президиум XVIII съезда партии в первый день
Второй мировой войны. 1 сентября 1939 года.

РИА “Новости”

Путь к продолжению агрессии в восточном направлении открывается Гитлеру и в этом варианте, причем с возможным подключением ресурсов марионеточного польского режима наподобие словацкого.

Вариант четвертый: Гитлер нападает на Польшу, Советский Союз остается нейтральным, Великобритания и Франция вступают в войну не на словах, а на деле. Германская агрессия предотвращена. Это хороший вариант, но одновременно – самый маловероятный. Как мы помним, на самом деле Великобритания и Франция хоть и объявили войну Германии, на практике боевых действий не вели, ограничившись лишь их имитацией для успокоения общественного мнения.

Вариант пятый: Гитлер нападает на Польшу, Великобритания и Франция ограничиваются дипломатическими протестами, Польша просит о помощи Советский Союз, Москва начинает войну с Германией в союзе с Польшей. Для Кремля вариант опять-таки не самый радостный, поскольку никто не может дать гарантии, что после вступления в

Разумная альтернатива пакту Молотова-Риббентропа существовала лишь одна: заключение англо-франко-советского соглашения. Однако Лондон заключать это соглашение не пожелал. После этого все альтернативы подписанию соглашения с Германией оказывались для СССР слишком опасными. Ни одно ответственное правительство на подобный риск пойти не могло.

фото ИТАР-ТАСС

Нарком иностранных дел Вячеслав Молотов
в Президиуме XVIII съезда ВКП(б)
в октябре 1939 года.

“Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого пакта являлось, как это неоднократно заявляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы на время, путем заключения соглашения с Германией”

Посол
Великобритании в СССР
С. Криппс,
27 сентября 1941 г.⁵⁶

войну Советского Союза Лондон и Париж не договорятся с Берлином. И тогда Варшава и Москва окажутся перед перспективой вести войну с Германией и ее союзниками в одиночку. Между тем, опыт Испанской войны в Кремле хорошо помнят. Да и во время Мюнхена подобный сценарий уже был опробован: подписавшие приговор Чехословакии державы уведомили Прагу, что если она примет советскую помощь и будет сопротивляться, то начавшаяся война «сразу превратится в войну со всей Европой».⁵⁵ Ситуация усугубляется тем, что на Дальнем Востоке Советскому Союзу придется воевать с входящей в Антикоминтерновский пакт Японией.

Вариант шестой: Гитлер нападает на Польшу, Великобритания и Франция в войну практически не вмешиваются, Польша советской помощи не просит и терпит поражение в войне. Советский Союз вводит войска на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, дабы не допустить создания там немцами марионеточных государств. С Германией в этом случае опять-таки приходится воевать в одиночку, рискуя потерпеть поражение; кроме того, вопрос об укреплении позиций Берлина в Прибалтике остается нерешенным, а на Дальнем Востоке опять-таки приходится воевать с Японией.

Как видим, разумная альтернатива пакту Молотова-Риббентропа существовала лишь одна: заключение англо-франко-советского соглашения. Однако Лондон заключать это соглашение не пожелал. После этого все альтернативы подписанию соглашения с Германией оказывались для СССР слишком опасными. Ни одно ответственное правительство на подобный риск пойти не могло. ■

Вопрос №7

Вопрос № 7

Правда ли, что советско-германский договор о ненападении 1939 года и его секретные приложения не имели прецедентов в международной дипломатической практике и являлись незаконными с точки зрения действовавшего международного права?

Заключение договора о ненападении между СССР и Германией никоим образом не противоречило ни международной дипломатической практике, ни действующему международному праву. Договоры о ненападении существовали между многими европейскими странами, в том числе между Германией и Эстонией, Германией и Латвией (оба договора заключены 7 июня 1939 года), СССР и Польшей (подписан в 1932 году, продлен в мае 1934 года), СССР и странами Прибалтики, Польшей и Германией (заключен в 1934 году, расторгнут Германией в 1939 году). Законность заключения договоров о ненападении между странами никогда не ставилось под сомнение ни в современном, ни в старом международном праве.

Не является чем-то исключительным и практика заключения секретных протоколов к межгосударственным соглашениям. Так, например, договор между СССР и Литвой содержал секретный протокол об обмене разведывательной информации. Английские гарантии Польше в марте 1939 года сопровождались секретным протоколом, согласно которому Лондон обязывался оказать военную помощь Варшаве только в случае нападения на нее Германии, а не какой-либо третьей страны⁵⁷ (к сожалению, об этом секретном протоколе не знал Кремль, считавший, что английские гарантии Польше могут принять антисоветский характер). Подписания одновременно с договором о сотрудничестве секретного протокола о восстановлении советско-польских границ 1939 года добивалось во вре-

Ни договор о ненападении, ни секретный протокол к нему не являлись исключительными в международной практике и по своей форме не могут рассматриваться как противоправные. Но, может быть, противоправным эти документы делало их содержание, предусматривавшее раздел сфер влияния?

Министр иностранных дел Германии
Йоахим фон Риббентроп
подписывает договор о дружбе и границе
между СССР и Германией.
Москва, 28 сентября 1939 г.

“По моему мнению,
советские руководители...
никогда не рассматривали
пакт, как что-то большее,
чем временное средство. Я
убежден, что они постоянно
считались с эвентуальной
возможностью войны,
по меньшей мере как с серь-
езной вероятностью, если
не с неизбежностью”

Посол
Великобритании в СССР
С. Криппс,
27 сентября 1941 г.⁶²

мя переговоров с советским послом в Лондоне летом 1941 года польское эмигрантское правительство.⁵⁸ Существует предположение, что секретным протоколом, направленным против Советского Союза, сопровождался и польско-германский договор о ненападении 1934 года.⁵⁹

Как видим, ни договор о ненападении, ни секретный протокол к нему не являлись исключительными в международной практике и по своей форме не могут рассматриваться как противоправные. Но, может быть, противоправным эти документы делало их содержание, предусматривавшее раздел сфер влияния?

Разграничение сфер влияния и интересов опять-таки не было чем-то исключительным в международной практике того времени. Когда в марте 1938 года Польша, организовав вооруженные провокации на границе, угрожала Литве войной, Берлин уведомил Варшаву о том, что в случае войны претендует на Клайпедскую область Литвы; остальной территорией Польша может распоряжаться сама.⁶⁰ Несколько месяцев спустя, во время расчленения Чехословакии, выяснилось, что и Германия, Польша претендуют на одну и ту же чешскую территорию – город Богумин. Германия согласилась уступить этот город полякам.⁶¹

Активно договаривалась о разграничении сфер влияния

РИА КОРД

Нарком иностранных дел СССР В.М.Молотов подписывает договор о дружбе и границе между СССР и Германией.
Москва, 28 сентября 1939 г.

Великобритания. Признанием японской сферой влияния оккупированных ею территорий в Китае был уже упоминавшийся британско-японский «пакт Арита-Крейги», обнародованный 24 июля 1939 года. Одновременно летом 1939 года Великобритания предлагала Германии раздел сфер влияния в Европе и в мире, причем за Гитлером планировалось признать гегемонию в Восточной и Юго-Восточной Европе, а также урегулировать колониальный вопрос и предоставить Берлину крупный кредит.⁶³ В 1944 году глава британского правительства Уинстон Черчилль предложил разграничить сферу советско-британского влияния в Восточной Европе. В своих воспоминаниях Черчилль пишет, что на совещании в Москве 9 октября 1944 г. он сказал: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там свои интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, как вы относитесь к тому, чтобы иметь 90% господства в Румынии при наших 90% в Греции, а в Югославии – 50 на 50?».

Как видим, разграничение сфер влияния (в том числе затрагивающее третьи государства) не было чем-то исключительным в международной практике того времени.

Давайте внимательно перечитаем текст секретного про-

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ
(в том числе затрагивающее
третьи государства) не было
чем-то исключительным в
международной практике того
времени.**

токола к советско-германскому договору о ненападении.

«1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях».⁶⁴

Что мы видим?

РИАКОП

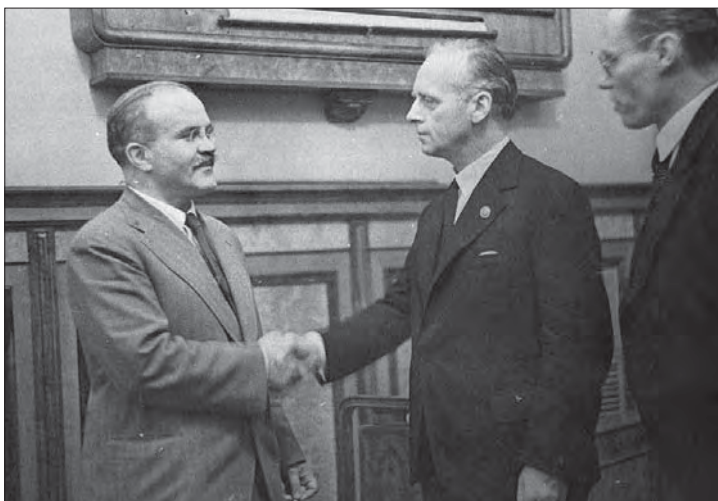
Министр иностранных дел Германии
Йоахим фон Риббентроп
подписывает договор о ненападении
между СССР и Германией.
Москва, 23 августа 1939 г.

Во-первых, стороны договариваются о разграничении сфер влияния. Как уже говорилось, раздел сфер влияния в то время был общепринятой практикой и противоречащим действующему международному праву считаться не может. В секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении понятие «сфера влияния» обозначало территорию, на которой страна, подписавшая соглашение обязалась в будущем не проводить активной политики (прежде всего экономической экспансии, давления на властные структуры и поддержки повстанческих движений).⁶⁵

Во-вторых, поднимается вопрос о возможных будущих изменениях границ Польши. Однако само намерение изменить границы не может считаться незаконным ни в соответствии с действовавшим на момент подписания советско-германского договора нормам международного права, ни в даже в соответствии с нормами современного международного права. Потому что изменение границ может произойти мирным путем. А о возможности каких-либо совместных военных действиях, направленных против третьей страны, в секретном протоколе не говорится ни слова.

Популярное утверждение о том, секретный протокол был незаконным, поскольку предусматривал вхождение в

**СВОИМ СОДЕРЖАНИЕМ
СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ К
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМУ ПАКТУ
О НЕНАПАДЕНИИ НЕ НАРУШАЕТ
НОРМ ДЕЙСТВОВАВШЕГО К ТОМУ
ВРЕМЕНИ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА. ЭТО ПРЕКРАСНО ЗНАЮТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЮРИСТЫ.**

РГАКФД

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ
ИОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП
И НАРКОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В.М.МОЛОТОВ
ОБМЕНЯЮТСЯ РУКОПОЖАТИЕМ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ
ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР
И ГЕРМАНИЕЙ. МОСКВА, 28 СЕНТЯБРЯ 1939 Г.

состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и стран Прибалтики, вообще не соответствует действительности. Если бы подобный пункт содержался в секретном протоколе, то последний действительно нарушал бы ряд действовавших международных норм. Однако на самом деле каких-либо пунктов о включении территорий, отнесенных к советской сфере влияния, в состав СССР в секретном протоколе не содержалось. Аргументация же в духе «ну ведь в итоге эти территории были присоединены к СССР и, значит, соответствующие советско-германские договоренности все-таки были» – не выдерживает элементарной критики. «После» не означает «вследствие»; присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии к СССР было лишь косвенно связано с советско-германским протоколом о ненападении и секретным протоколом к нему, а изменение границ с Финляндией – и вовсе результатом двустороннего военного конфликта.

Таким образом, и своим содержанием секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении не нарушает норм действовавшего к тому времени международного права. Это прекрасно знают профессиональные юристы. «Секретный протокол про разделение сфер влияния между нацистской Германией, с одной стороны, Союзом ССР, с другой, был составлен так, что формально не нарушал принятой в то время практики составления международно-правовых документов», – констатирует львовский профессор Владимир Макарчук.⁶⁶ Прибавить к этим словам нечего. ■

Вопрос №8

Вопрос № 8

Каковы отличия «Мюнхенского сговора» от «Пакта Молотова-Риббентропа»?

Очень часто приходится слышать, что Мюнхенское соглашение Великобритании, Франции, Германии и Италии, направленное на расчленение Чехословакии нельзя сравнивать с «пактом Молотова-Риббентропа». Нельзя, потому что советско-германский пакт был сговором двух тоталитарных режимов, стремившихся к мировому господству, а Мюнхенское соглашение подписали демократические Великобритания и Франция, не желавшие войны. Подобный тезис, безусловно, политически ангажирован. Мы уже говорили, что от форм общественного строя действия стран-участников мирового кризиса 1938 – 1939 года не зависели, а СССР, союз которого с нацистской Германией был якобы неизбежен, на деле являлся наиболее последовательным противником нацистской экспансии на восток. И задумывались в Кремле в это время не о мировом господстве, а всего лишь об обеспечении национальной безопасности.

Так что Мюнхенское соглашение 1938 года и «пакт Молотова-Риббентропа» 1939 года сравнивать не только можно, но и обязательно нужно. Результаты подобного сравнения оказываются весьма интересными.

В чем было содержание Мюнхенского соглашения? Великобритания и Франция приняли требования Гитлера и вынудили правительство Чехословакии согласиться с нацистским диктатом, в буквальном смысле вывернув чехам руки. Более того: когда президент Бенеш напомнил о существовании франко-чехословацкого договоре, ему отвечали, что если Чехословакия будет упираться, этот договор не будет иметь значения.⁶⁷ Западные державы приняли непосредственное участие в насилии над Чехословакией.

Мюнхенское соглашение 1938 года и «пакт Молотова-Риббентропа» 1939 года сравнивать не только можно, но и обязательно нужно. Результаты подобного сравнения оказываются весьма интересными.

А.Гитлер подписывает Мюнхенское соглашение.
29 сентября 1938 года.

Кадр из документального фильма
«Мюнхен: предисловие к войне», 1989 г.,
режиссер В.Раменский.

РИАКОД

Советско-германское соглашение 1939 года ни одним словом не предусматривало какое-либо участие СССР в германо-польском конфликте. Речь шла всего лишь о соблюдении нейтралитета. И если Чехословакия просила помощи у Великобритании и Франции, и не получила ее, то Польша, напротив, в течение весны и лета 1939 года последовательно отказывалась от советской военной помощи. И желания Варшавы сбылись: советские войска вступили на польскую территорию, только когда война была проиграна, а польская армия – разгромлена. «Пакт не был ни союзом, ни соглашением по расчленению Польши, – писал в этой

Сравнение «пакта Молотова-Риббентропа» и Мюнхенского соглашения оказывается не в пользу западных стран. Действия Великобритании и Франции во время чехословацкого кризиса 1938 года выглядят гораздо более сомнительными, чем действия Советского Союза во время польского кризиса 1939 года.

связи американский историк А. Тейлор. – Мюнхен был действительно союзом для расчленения: британцы и французы продиктовали раздел чехам. Советское правительство не осуществило такой акции против

Б.Муссолини подписывает
Мюнхенское соглашение. 29 сентября 1938 года.

Кадр из документального фильма
«Мюнхен: предисловие к войне», 1988 г.,
режиссер В.Раменский.

Н.Чемберлен подписывает
Мюнхенское соглашение. 29 сентября 1938 года.

Кадр из документального фильма
«Мюнхен: предисловие к войне», 1988 год,
режиссер В.Раменский

Э.Даладьё подписывает
Мюнхенское соглашение. 29 сентября 1938 года.

Кадр из документального фильма
«Мюнхен: предисловие к войне», 1988 год,
режиссер В.Раменский

“В Мюнхене обращение с чехословацкими наблюдателями было грубо издевательским, причем наглее других держал себя Даладьё. Несмотря на все произошедшее, чехословацкое правительство обращалось за советами к Англии и Франции по вопросу польского ультиматума, хотело помощи для получения отсрочки в духе мюнхенских решений, но получила окрик из Франции, сразу предложившей соглашаться и исполнять”

Полпред СССР
в Чехословакии
С. Александровский,
1 октября 1938 г.⁶⁹

поляков. Оно пообещало остаться нейтральным, о чем всегда просили поляки и на чем настаивала политика западных государств».⁶⁸

Продолжим сравнение. Чехословакия была неизменно лояльной и Великобритании, и Франции. Тем не менее, она была ими предана. Польша на протяжении долгих лет проводила откровенно недружественную СССР политику. И Советский Союз, вполне логично не стал спасать своего недруга.

Могли ли Франция и Англия в 1938 году спасти Чехословакию? Да, могли. Для этого Франция должна была, во-первых, вспомнить о своем союзническом долге перед Чехословакией и, во-вторых, принять советскую помощь – ведь и Франция, и Чехословакия имели договоры о взаимопомощи с Советским Союзом. Немецкая армия в то время была слаба, многие генералы рассматривали действия Гитлера как авантюру и даже готовили против него заговор. Предотвратить нацистскую агрессию в то время было очень легко. Риска практически не было. Однако Великобритания и Франция этого не сделали.

Мог ли Советский Союз в 1939 году спасти Польшу? Нет, поскольку для этого СССР пришлось бы воевать против Германии в одиночку. В лучшем случае – при нейтралитете Великобритании и Франции. В худшем – в условиях их нового соглашения с Гитлером, под командованием которого находились хорошо подготовленные войска и генералитет, уже не думающий о заговорах. Риск для Советского Союза был в этой ситуации не просто велик – он был огромен.

Как видим, сравнение «пакта Молотова-Риббентропа» и Мюнхенского соглашения оказывается не в пользу западных стран. Действия Великобритании и Франции во время чехословацкого кризиса 1938 года выглядят гораздо более сомнительными, чем действия Советского Союза во время польского кризиса 1939 года. ■

“У нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь”

Министр
иностраннх дел Польши
Ю. Бек,
19 августа 1939 г.⁷⁰

Вопрос №9

Вопрос № 9

ПРЕДОПРЕДЕЛИЛО ЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ АГРЕССИЮ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ПОЛЬШИ?

Подготовка к нападению на Польшу была начата в апреле 1939 года. 3 апреля верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) подготовило проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939 – 1940 годы», который был утвержден Гитлером 11 апреля. «Директива» предусматривала возможность войны против Польши:

«Отношения Германии с Польшей и в дальнейшем должны строиться с учетом нежелательности всяких трений. Но если Польша изменит свою политику применительно к Германии... и займет позицию, создающую угрозу империи, то, несмотря на существующий договор, может оказаться необходимым решить проблему Польши окончательно.

Целью в этом случае будет: разбить польские вооруженные силы и создать на востоке такую обстановку, которая соответствовала бы потребностям обороны страны... Политическое руководство считает своей задачей добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, т.е. ограничить войну исключительно польской территорией».

Как нетрудно заметить, польская война планировалась как локальная кампания, в которую не будут вовлечены остальные державы. К моменту подписания «Директивы» нацистское руководство предполагало, что Англия и Франция вступаться за Польшу не станут, а от Советского Союза Польша помощь никогда не примет.

Несмотря на начало подготовки к войне в Берлине не исключали также и возможности подчинения Польши германскому диктату.

К концу мая нацистское руководство рассматривало возможность соглашения с Польшей с гораздо большим скепсисом. 23 мая на совещании с командованием вер-

Именно 23 мая можно считать окончательной датой принятия нацистским руководством принципиального решения о войне против Польши. Однако дата начала войны назначена не была; для этого Берлину, по-прежнему планировавшему боевые действия против Польши как локальный конфликт, следовало добиться политической изоляции Варшавы.

махта Гитлер заявил, что «Польша всегда будет на стороне наших противников»; кроме того, по его мнению, Польша не могла претендовать даже на роль барьера против «большевизма». «Таким образом, вопрос о том,

чтобы пощадить Польшу, отпадает, – резюмировал Гитлер. – Остается решение: при первом же подходящем случае напасть на Польшу».⁷¹

Именно 23 мая можно считать окончательной датой принятия нацистским руководством принципиального решения о войне против Польши. Однако дата начала войны назначена не была; для этого Берлину, по-прежнему планировавшему боевые действия против Польши как локальный конфликт, следовало добиться политической изоляции Варшавы. «Успешная изоляция будет иметь решающее значение, – заявил в этой связи Гитлер. – Одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае допустить нельзя».⁷²

Позиция Советского Союза в будущем конфликте представлялась нацистскому руководству гораздо менее важной, чем позиция Франции и Великобритании. Польша не собиралась принимать советскую помощь (о чем по дипломатическим каналам информировала Берлин). Серьезной угрозой для нацистских планов было лишь создание англо-франко-советского союза. Англо-франко-советские переговоры оказались, как известно, безрезультатными, сам факт ведения таких переговоров был формой давления на Берлин.

В этой ситуации Германия предпринимала усилия для предотвращения возможности создания новой «Антанты». Именно этой цели служили зондажные беседы немецких дипломатов с советскими представителями в мае – июне 1939 года. В июне Берлин предлагал Москве принять для ведения экономических переговоров при-

нять специального уполномоченного германского правительства Шнурре. Замысел был прост: по словам самого Шнурре, «сам факт непосредственных германо-советских совещаний в Москве благоприятствовал бы тому, чтобы вбить лишний клин в англо-советские переговоры». ⁷³ Однако Кремль, еще не потерявший надежды на заключение соглашения с Великобританией и Францией, принять Шнурре отказался. После этого Гитлер 29 июня наложил мораторий на какие-либо инициативы по советско-германскому направлению.

Ситуация изменилась после обнародования 24 июля японско-британского соглашения, «пакта Арита – Крейги». Для Берлина этот пакт стал неприятным дипломатическим поражением: использовать Японию для отвлечения Великобритании от европейских событий становилось невозможным. А это, в свою очередь, уменьшало шансы Германии добиться международной изоляции Польши. ⁷⁴ Для Советского Союза заключение британского соглашения с членом Антикоминтерновского пакта, войска которого как раз в это время сражались с частями Красной Армии, стало свидетельством нежелания Великобритании заключать соглашение с СССР и ее готовности к новому «Мюнхену».

«Пакт Ариты – Крейги» развязывал руки Великобритании для более активного вмешательства в европейские дела. Примет ли Лондон участие в германо-польском конфликте? Для Берлина этот вопрос становился принципиально важным. Для его решения Германия в течение месяца настойчиво зондировала Лондон: 7, 11, 21 августа. Одновременно были активизированы контакты с Москвой: 2, 3, 10, 15 и 21 августа. Варианта было два: либо получить гарантии невмешательства в конфликт от Великобритании, либо скомпенсировать угрозу возможного британского вмешательства соглашением с Москвой.

21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве — Риббентропа для подписания пакта о ненападении. Согласием ответи-

фото ИТАР-ТАСС

21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве – Риббентропа для подписания пакта о ненападении. Согласием ответили и Лондон, и Москва. Гитлер выбрал Москву, отменив полет визит Геринга в Лондон.

ли и Лондон, и Москва.⁷⁵ Гитлер выбрал Москву, отменив полет визит Геринга в Лондон. Нацистский лидер считал своих бывших партнеров по Мюнхенскому сговору «жалкими червями» и был уверен, что после краха планов по заключению англо-франко-советского союза Великобритании не решиться на вмешательство в польский конфликт. А советско-германское соглашение возможность создания новой Антанты хоронило гарантированно. Содержание договора между Москвой и Берлином было не важно – важен был сам факт этого договора, который, по мнению Гитлера, должен был повлиять на Лондон. Гитлер был так уверен в своих выкладках, что уже 22 августа (Риббентроп еще только летел в Москву) отдал приказ о нападении на Польшу 26 августа.

Немецкие войска уже были готовы к нападению, когда 25 августа стало известно о подписании польско-британского договора о взаимопомощи. Для Берлина это был серьезный удар: получалось, что Лондон все-таки собирается вступиться за Варшаву. Приказ о нападении на Польшу был отменен, после чего последовала новая серия дипломатических контактов между Берлином и Лондоном. Ситуация прояснилось, когда Лондон передал через Муссолини в Берлин информацию о том, что «если

Фото ИТАР-ТАСС

Адольф Гитлер
и министр иностранных дел Германии
фон Риббентроп во второй половине 1939 года.

РИАКОД

Представитель польского командования и представитель немецкого командования во время церемонии капитуляции, г. Варшава.

урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков «коридора» Германии то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны».⁷⁶

Для нацистского руководства эта информация стала свидетельством готовности Великобритании к новому «Мюнхену». 28 августа Гитлер отдал приказ о нападении на Польшу 1 сентября. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Франц Гальдер записал в дневнике: «Англия, возможно, примет наши предложения. Польша, по-видимому, нет. Раскол!»

Таким образом, утверждение о том, что именно заключение советско-германского договора о ненападении предопределило агрессию Германии против Польши, не соответствует действительности. Принципиальное решение об агрессии было принято в Берлине до подписания «пакта Молотова-Риббентропа». Что же касается окончательного решения о нападении на Польшу, то заключение советско-германского соглашения повлияло на это гораздо меньше, чем полученная 28 августа информация из Лондона, истолкованная в Берлине как свидетельство потенциальной готовности Великобритании к новому сговору. ■

Вопрос №10

Вопрос № 10

Правда ли, что советское руководство считало неизбежным нападение Германии на Польшу после подписания советско-германского договора о ненападении?

Это утверждение восходит к хорошо известной специалистам фальшивке – так называемому «Выступлению Сталина на секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 года». Происхождение этой фальшивки подробно разобрано российским историком Сергеем Случем,⁷⁷ поэтому детально мы на нем останавливаться не будем. Для нас важно, что именно в этой фальшивке впервые было озвучена идея о твердой уверенности советского руководства в нападении Германии на Польшу после подписания советско-германского договора о ненападении. Создатели фальшивки (по всей видимости, это были французские спецслужбы) вложили в уста Сталину следующие слова: «Если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным».

Однако на самом деле никакой твердой уверенности в последующих действиях Берлина Москва не имела. Советское руководство едва ли испытывало сомнения в решимости Берлина решить «польскую проблему». Об этой решимости наглядно свидетельствовали разведывательные донесения. А вот о том, как будет решена эта проблема – путем войны или «мирных» переговоров по образцу Мюнхена – уверенности в Кремле не было.

Разведка докладывала о возможности обоих вариантов. Так, например, в агентурном сообщении от 19 июля 1939 года приводятся слова заведующего восточным отделом бюро Риббентропа П. Клейста о том, что, с одной стороны, «фюрер полон решимости обеспечить Германию на Востоке еще в течение этого года путем ликвидации польского государства в его теперешней территориальной и политической форме», а с другой – «фюрер сказал, что он до конца будет рассчитывать на мирное решение

Советское руководство едва ли испытывало сомнения в решимости Берлина решить «польскую проблему». Об этой решимости наглядно свидетельствовали разведывательные донесения. А вот о том, как будет решена эта проблема - путем войны или «мирных» переговоров по образцу Мюнхена - уверенности в Кремле не было.

польской проблемы, но одновременно прикажет все подготовить для быстрого и успешного проведения военной кампании». ⁷⁸ А 13 августа агентурная разведка сообщила в Москву: «Срок выступления против Польши еще неизвестен. Полагают, что Польше сделают еще раз предложение, которое должно будет ее убедить в бесполезности сопротивления». ⁷⁹

Судя по записям в дневнике советского полпреда в Лондоне Ивана Майского, Кремль все-таки склонялся к тому, что реализован будет «мюнхенский» вариант. 26 августа Майский записывает в дневнике: «В воздухе пахнет новым Мюнхеном... Если Гитлер проявит хоть минимум сговорчивости, может повториться прошлогодняя история». ⁸⁰

28 августа в дневнике появилась новая запись: «В Москве, видимо, господствуют иные настроения: войны не ждут, рассчитывают на новый Мюнхен. Вот факты. Несколько дней назад я запросил НКВД, целесообразно ли с уходившей тогда диппочтой посылать секретные материалы, ибо можно ждать перерыва ж-д сообщения и, может быть, даже открытия военных действий между Германией и Польшей в ближайшие дни. Получил ответ: отправляйте почту нормальным порядком – и причем в таком тоне, что точно из Москвы хотели сказать «не паникерствуй!» Тем не менее секретных материалов я с курьерами все-таки не послал. И поступил вполне правильно. Сегодня узнал, что курьеры, о кот[орых] шла речь, застряли в Берлине. 27 августа НКВД известил меня, что я назначен возглавлять советскую делегацию на Ассамблее Л[иги] Н[аций], которая должна открыться 11 сентября. Спаси-

бо за доверие. Сомневаюсь, однако, чтобы Ассамблея состоялась в нынешней обстановке». ⁸¹

Запись от 30 августа: «Кабинет имел заседание сегодня и сегодня же отправил в Берлин свое сооб-

Германия, СССР и Литва могли последовательно предъявить Польше территориальные претензии, сопроводив их не запрещенным действовавшим международным правом «мирной» и «военной» блокадами. В результате Польше пришлось бы согласиться на созыв международной конференции, второго «Мюнхена».

Посещение Польши И.Риббентропом.

Министр иностранных дел Германии
Йоахим фон Риббентроп,
президент Польши Игнаций Мосъицкий,
министр иностранных дел Польши Юзеф Бек
и посол Германии в Польше Мотке
во дворце президента. 29 января 1939 г.

щение. В этом сообщении брит[анское] пра[вительство] соглашается использовать свое влияние в Варшаве для того, чтобы способствовать открытию прямых переговоров между Германией и Польшей... После разрешения польского вопроса брит[анское] пра[вительство] готово принять участие в конференции по обсуждению тех более общих вопросов, которые были подняты Гитлером во время свидания с Гендерсоном 25 августа. Явно пахнет Мюнхеном. Но пойдет ли на английское предложение Гитлер?»⁸²

Возможность реализации сценария второго «Мюнхена» была высока не только из-за позиции Великобритании. Как справедливо замечает львовский юрист Владимир Макаручук, «сам факт заключения советско-германского договора создавал принципиально новые возможности для Гитлера и немецкой внешней политики».⁸³ Германия, СССР и Литва (заинтересованность которой в Виленском крае была признана советской и германской сторонами в секретном протоколе) могли последовательно предъявить Польше территориальные претензии, сопроводив их не

Франко-германская декларация
6 декабря 1938 года.

Министр иностранных дел Германии
Йоахим фон Риббентроп,
министр иностранных дел Франции
Ж.Бонне и другие в Париже, 6 декабря 1938 г.

РГА КФД

запрещенным действовавшим международным правом «мирной» и «военной» блокадами. В результате Польше пришлось бы согласиться на созыв международной конференции, второго «Мюнхена». Фактически Сталин сдал Гитлеру все необходимые карты для этой игры, одновременно добившись, чтобы, в отличие от первого Мюнхена, во время второго СССР не оказался исключенным из числа участников соглашения.

Однако Гитлеру мирное решение было не нужно, он хотел войны. И поэтому «второго Мюнхена» ни в британском (без участия СССР), ни в сталинском (с участием СССР) вариантах не случилось. Однако в августе 1939 года не учитывать подобную возможность в Кремле не могли. И любые разговоры о том, что советское руководство якобы «считало неизбежным нападение Германии на Польшу после подписания советско-германского договора о ненападении» действительности не соответствуют. ■

Вопрос №11

Вопрос № 11

Содержал ли в себе советско-германский договор о ненападении стратегический потенциал сдерживания нацистской агрессии на восток и, если это так, удалось ли этим потенциалом в дальнейшем воспользоваться странам Антигитлеровской коалиции?

Собственно говоря, главным содержанием секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении как раз и было создание предела немецкой экспансии на восток. Москва договаривалась с Берлином: вот линия советской сферы интересов, за которую переходить нельзя. И то, что Берлин согласился признать советской сферой интересов как раз те регионы, которые могли использоваться им в качестве плацдармов для действий против СССР, было серьезной дипломатической победой Кремля.

Современники это хорошо понимали. «Россия проводит холодную политику собственных интересов, – говорил 1 октября 1939 года Уинстон Черчилль. – Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как завоеватели. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские стояли на этой линии».⁸⁴

Благодаря «пакту Молотова-Риббентропа» Советский Союз смог предотвратить создание марионеточных «Украинского» и «Белорусского» государств и использования их для расчленения СССР. Благодаря пакту Москва укрепила свое влияние в странах Прибалтики и впоследствии сумела не допустить их превращения в германские протектораты. В результате немецким войскам пришлось наступать на Ленинград не от Чудского озера, а от Мемеля. Как следствие – Ленинград оказался непокоренным. А между прочим, именно от того, падет Ленинград, или нет, зависели масштабы поставок союзников по ленд-лизу.

Собственно говоря, главным содержанием секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении как раз и было создание предела немецкой экспансии на восток. Москва договаривалась с Берлином: вот линия советской сферы интересов, за которую переходить нельзя.

Атака советских частей
во время боевых действий на реке Халхин-Гол.

РГАСОД

Не будь пакта, в 1941 году немецким войскам не пришлось бы с боями проходить сотни километров в Западной Белоруссии и на Западной Украине. Они имели бы возможность начать наступление с очевидно более выгодных позиций – и дойти до Москвы гораздо раньше, чем в реальности. И тогда не советские, а немецкие войска могли пройти в ноябре 1941 года по брусчатке Красной площади. Для Антигитлеровской коалиции это имело бы катастрофические последствия.

Да и была бы создана сама Антигитлеровская коалиция, не будь советско-германского договора о ненападении? Не пошли бы Англия и Франция по привычному пути умиротворения агрессора, направления его экспансии на восток? Не взирали бы они с олимпийским спокойствием за расчленением Советского Союза, за уничтожением еврейского и славянского населения на колонизируемых нацистами пространствах? Подобной возможности нельзя исключить.

Есть и еще одно немаловажное последствие «пакта Молотова-Риббентропа». Как известно, советско-германский договор о ненападении был подписан как раз тогда, когда на Дальнем Востоке, в районе реки Халхин-Гол советские войска вели боевые действия с союзником Германии

“С чисто стратегической точки зрения как раз в наших интересах, чтобы Россия снова обосновалась в Прибалтике, с тем, чтобы иметь возможность лучше оспаривать у Германии господство в Балтийском море”

Министр
иностраннх дел
Великобритании
А. Иден,
28 января 1942 г.⁸⁵

по Антикоминтерновскому пакту – Японией. Для Токио заключение советско-германского соглашения стало настоящим шоком. Советский разведчик Р.Зорге («Рамзай») сообщал: «Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию против Германии. Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора... Большинство из членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского договора с Германией. Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой. Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая. Нарастает внутривластный кризис».⁸⁶

Впечатление, которое оказало советско-германское соглашение на правящие круги Японии, усугублялось тем, что одновременно советские войска перешли в наступление в Монголии, полностью разгромив 6-ю японскую

Не будь пакта, в 1941 году немецким войскам не пришлось бы с боями проходить сотни километров в Западной Белоруссии и на Западной Украине. Они имели бы возможность начать наступление с очевидно более выгодных позиций - и дойти до Москвы гораздо раньше, чем в реальности.

РГАКФД

Командарм 2-го ранга Г.М.Штерн,
маршал МНР Х.Чойбалсан
и комкор Г.К.Жуков
на командном пункте Хямар-Даба.

Концепция японской внешней политики оказалась изменена: вместо экспансии на северо-восток, в направлении СССР, Япония в конечном счете повернула на юг.

“Тому, что лицо Сталина на фотографии 23 августа выражает чувства удовлетворения и удовольствия, не приходится удивляться... Антикоминтерновский пакт разрушен, и германо-японской дружбе нанесен такой удар, от которого она так легко вскоре не оправится”

Посол Эстонии в Москве
А. Рей,
31 августа 1939 г.⁸⁸

армию. В этой ситуации действия Берлина воспринимались Токио как предательство. Япония заявила Германии протест, указав, что советско-германский договор противоречит Антикоминтерновскому пакту, в котором стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров».⁸⁷ 28 августа японский кабинет министров во главе со сторонником войны против СССР Киитиро Хиранума подал в отставку.

Концепция японской внешней политики оказалась изменена: вместо экспансии на северо-восток, в направлении СССР, Япония в конечном счете повернула на юг. В мае 1941 года Советский Союз и Япония подписали договор о ненападении. И, несмотря на все заверения, которые официальный Токио давал Берлину – о том, что в случае необходимости Япония выполнит свои обязательства и расторгнет договор с СССР – даже в самые тяжелые для Советского Союза месяцы 1941 и 1942 годов японские войска так и не вторглись в пределы СССР. Значение этого факта для победы Антигитлеровской коалиции в войне весьма велико.

Необходимо признать: советско-германский договор о ненападении и секретные протоколы к нему стали одним из самых серьезных достижений советской дипломатии. Не исключено, что без «пакта Молотова-Риббентропа» полноценной победы над нацизмом могло и не быть. ■

РГАКФД

Пленные солдаты 6-й (Квантунской) армии на отдыхе.

РГАКФД

Монгольские солдаты на передовой.

Вопрос №12

Вопрос № 12

Повлияло ли вступление войск Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии на исход германо-польской войны?

Миф о том, что не случись «советского вторжения», Польша смогла бы победить в войне с Германией, восходит к пристрастным и мало достоверным мемуарам польского генерала Владислава Андерса. «Наши тылы, открытые и беззащитные, отданы на милость советской армии и как раз в ту минуту, когда натиск немцев стал ослабевать, когда растянутые на сотни километров немецкие коммуникации стали рваться, когда мы могли бы еще сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии», – писал Андерс.⁸⁹ Вслед за ним это утверждение регулярно повторяют как польские, так и некоторые российские историки.⁹⁰

Однако от частого употребления глупость не перестает быть глупостью. Андерс пишет о том, что польские войска якобы могли «дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии». Допустим. Но ведь хорошо известно, что западные союзники не собирались вести активные наступательные действия против Германии. Да, войну Лондон и Париж объявили. А вот воювать – не стали. Так что даже если слова Андерса о том, что «мы могли» соответствуют действительности, исход германо-польской войны это бы не изменило. Польшу все рано ждало неминуемое поражение.

Но соответствуют ли заклинания о том, что «мы могли» действительности? Российский историк Михаил Мельтюхов провел детальное исследование польско-германской войны 1939 года. Позволим себе обширную цитату:

«Германские войска сумели за 5 первых дней войны выиграть приграничные сражения, но, столкнувшись с более сильным, чем ожидалось, сопротивлением поляков, были вынуждены внести коррективы в первоначальные планы войны, увеличив глубину операции. Перед соединениями

“ В тот же день я представлялся в штабе Андерса, где от моих добрых друзей ротмистра Кучинского и поручика Кедача узнал много неприятных вещей. Они мне сообщили, что как будто есть приказ о движении к румынской или к венгерской границе и даже о переходе через нее, что правительство и верховный главнокомандующий покинули Варшаву, и никто не владеет обстановкой. Говорили, что Андерс совершенно потерял голову, не хочет сражаться, а старается сторонкой, избегая всякой возможной встречи с неприятелем, как можно быстрее пробраться в Венгрию...”

Е. Климковский,
«Я был адъютантом
Андерса»⁹¹

Бойцы рассматривают трофеи, захваченные в боях на территории Западной Украины.

Р.А. КОП

Хорошо известно, что западные союзники не собирались вести активные наступательные действия против Германии. Да, войны Лондон и Париж объявили. А вот воевать - не стали.

вермахта была поставлена задача не только захватить Центральную Польшу, но и создать фронт восточнее Вислы с тем, чтобы окружить основные силы польских войск. Уже к 5 сентября германские войска прорвали польский фронт, что при отсутствии готовых резервов обрекало польскую армию на поражение... К 6 сентября перед 10-й армией, вышедшей на линию Томашув-Мазовецкий, Коньске, Кельце, уже не существовало организованного польского фронта... Немецкие подвижные войска устремились по всем дорогам к северо-востоку, на Раву-Мазовецкую и Радом.

Польский фронт на юге окончательно рушился. Подвижные части 14-й германской армии достигли р. Дунаец у Тарнува. 8-я армия приближалась к Лодзи и верховьям Бзуры.

Начинался самый катастрофический для польской армии этап борьбы, ее отступление становилось все более хаотичными...

РГАСОД

Население г. Львова приветствует войска Красной Армии, вступившие в город.

РГАСОД

Вступление немецких войск в Польшу
1-го сентября 1939 года в 6 часов утра.

Германские подвижные войска развивали наступление. Их прорывы становились все опаснее. Удары авиации парализовали дневные передвижения. Организованная эвакуация населения прекратилась. Пылали города и деревни. В Польше нарастала дезорганизация. 1 сентября столицу покинул президент И. Мосцицкий, 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября из Варшавы выехало правительство, а в ночь на 7 сентября

Польские парламентарии во время передачи крепости Модлин представителям немецкого командования.

РГАСОД

Парад немецких войск в Варшаве во время приезда А.Гитлера.

РГАСОД

РГАКФД

Момент церемонии переговоров
о капитуляции Польши.

— и главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы. Ставка была перенесена в Брест, с 10 сентября — во Владимир-Волынский, с 13 сентября — в Млынов (близ Дубно), а 15 сентября — в Коломыю. Днем раньше там же оказался и Мосцицкий. 9—11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища для правительства. 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию, и 17 сентября правительство покинуло страну. Все эту усугубило хаос и подрывало обороноспособность польских войск...

Обстановка на всех фронтах в середине сентября была для польской армии катастрофической. Польское верховное командование уже не могло управлять действиями вооруженных сил. Директиву от 10 сентября не удалось своевременно довести до всех штабов. Соединения действовали на свой страх и риск, не зная, что происходит на других участках фронта. Польской армии как организованного целого начиная со второй половины сентября не существовало. В это время германское командование сосредоточило усилия на окружении польской армии в восточных районах страны».⁹²

В течение двух недель немецкие войска полностью разбили польскую армию. Дальнейшее было всего лишь добиванием.

Немецкий солдат конвоирует польских солдат, захваченных в плен.

РГАКФД

Как видим, заявления Андерса о том, что «мы могли», действительности никоим образом не соответствуют. В течение двух недель немецкие войска полностью разбили польскую армию. Дальнейшее было всего лишь добиванием.

Именно поэтому говорить о том, что вступление советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии повлияло на исход германо-польской войны, не приходится. ■

Вопрос №13

Вопрос № 13

Было ли введение войск Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии незаконным с точки зрения действовавшего международного права?

Наиболее полное обоснование «незаконности» введения 17 сентября 1939 года войск Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии дают польские историки. По их мнению, Советский Союз 17 сентября нарушил целый ряд взятых на себя международных обязательств, а именно:

- Рижский мирный договор 1921 года;
- Парижский пакт 27 августа 1928 года («пакт Бриана – Келлога»);
- пакт о ненападении между Польшей и СССР 1932 года;
- конвенцию об определении агрессии 1933 года.⁹³

Однако при внимательном рассмотрении эти утверждения оказываются несостоятельными.

Начнем с конца списка – с конвенции об определении агрессора 1933 года, предложенной, между прочим, именно советской стороной. Согласно конвенции, агрессором признавался тот, кто совершит «объявление войны другому государству; вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства; нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами; хотя бы без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого государства; морскую блокаду берегов или портов другого государства; поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергнувшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства».⁹⁴ Как видим, ввод советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии

“Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР... Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии”

Нота
правительства СССР,
врученная
послу Польши в Москве
утром 17 сентября 1939 г.⁹⁵

фото ИТАР-ТАСС

Поверженный пограничный столб
на польской границе.

действительно попадает под содержащееся в конвенции определение.

Однако конвенция об определении агрессора так и не стала действующим международным документом. Текст этой конвенции, принятый в мае 1933 года Комитетом по безопасности европейской конференции по вопросу разоружения, должен был составить приложения к Конвенции о сокращении и ограничении вооружения, которая так никогда и не была подписана. «Со времени Рима правовой аксиомой определяется тот факт, что в случае недействительности основного договора, не вступает в силу и акцессорный, – поясняет ситуацию профессор Владимир Макаrchук. – Исполнения правительствами заинтересованных стран (включая, конечно, и СССР) условий этого «акцессорного» договора было актом доброй воли».⁹⁶ Отказ в новых международных условиях выполнять некогда взятые на себя односторонние обязательства нарушением международного права не был, поскольку в международном праве существует норма о сохранении силы договора лишь при неизменном положении вещей. Сентябрь 1939 года не располагал к благонамеренным иллюзиям, уместным в 1933 году.

Нарушил ли Советский Союз т.н. «пакт Бриана – Келлога» 1928 года? Участники этого пакта осудили «обращение к войне для урегулирования международных споров» и отказались от войны «в роли орудия национальной политики». Однако после вступления советский войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии ни Польша, ни Франция, ни Великобритания не объявили войну Советскому Союзу.⁹⁷ Более того: 17 сентября польские войска даже получили приказ не вступать в боевые действия с частями Красной Армии.⁹⁸ Таким образом, ни Польша, ни Франция, ни Великобритания действия Советского Союза как войну не квалифицировали. Как справедливо замечает Владимир Макаrchук, «с правовой точки

После вступления советский войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии ни Польша, ни Франция, ни Великобритания не объявили войны Советскому Союзу. Более того: 17 сентября польские войска даже получили приказ не вступать в боевые действия с частями Красной Армии.

“Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей”

Приказ Верховного главнокомандующего польской армии
Э. Рыдз-Смиглы,
17 сентября 1939 г.⁹⁹

РГАКОД

Советская военная техника проходит по улицам г. Львова.

зрения, норм *de lege lata* – действующего в 1939 г. международного права, ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой не мог быть трактован как начало войны – и не был». ¹⁰⁰ А коль скоро войны не было – не было и нарушения «пакта Бриана – Келлога».

Перейдем, наконец, к самой серьезной части обвинения. Действительно ли Советский Союз нарушил подписанные им мирные договоры с Польшей 1931 и 1932 годов? В договоре 1932 года прямо говорилось о том, что действием, противоречащими договору «будет признан любой акт насилия, который нарушает целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны, которая договаривается, даже если эти действия без объявления войны и исключения всех ее возможных проявлений». Кроме того, в этом договоре Польша и СССР обязались не принимать участия в каких-либо договорах, враждебных другой стороне, и не оказывать поддержку, прямую или посредническую, нападающей стороне. ¹⁰¹ Получается, что действия Советского Союза все-таки были незаконными?

Для ответа на этот вопрос процитируем мнение юриста: «В международном праве действует доктрина *rebus sic*

stantibus — предостережение о сохранении силы договора лишь при неизменном положении вещей. Советские договоры с Польшей подписывались из расчета на то, что Польское государство сбережет свой суверенитет и сыграет роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами».¹⁰² К середине сентября 1939 года по сравнению с 1932 годом ситуация изменилась самым принципиальным образом. Польша потерпела сокрушительное поражение в войне с Германией, польские войска были разгромлены. Продвижение войск вермахта на территорию Западной Украины и недвусмысленные угрозы Берлина создать там марионеточное «Украинское государство» (об этом мы подробно расскажем чуть позже) создавали реальную угрозу безопасности СССР. В этой ситуации ранее подписанные советско-польские договоры теряли свою силу, о чем советское правительство и уведомило 17 сентября польского посла в Москве. Требуемые нормы международного права Кремлем были соблюдены.

Как видим, введение советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии не нарушало принятых на себя Советским Союзом международных обязательств. Однако этим дело не ограничивается.

В действовавшем по состоянию на сентябрь 1939 года международном праве существовала норма, отсутствующая в праве современном – «право на самопомощь». В рамках права на самопомощь «государство, которое считало, что действие другого субъекта международного права представляют угрозу для ее жизненно-необходимых интересов (а последние трактовались весьма обширно), могло в соответствии с действующим международным правом прибегнуть к силовым действиям для устранения этой угрозы».¹⁰³

Поражение польских войск создавало более чем реальную угрозу безопасности СССР. Германские войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Конечно, согласно достигнутой 23 августа договоренности, эти территории находились в советской сфере влияния, однако Гитлер к этому времени нарушил слишком много международных договоренностей. Не на-

НАСЕЛЕНИЕ г. Львова приветствует войска Красной Армии на параде.

Угроза создания марионеточных «Украинского» и «Белорусского» государств была более чем недвусмысленной. А ведь реализацию именно этого сценария Москва пыталась столь упорно предотвратить.

рушит ли он и эту? Действия Берлина показывали, что это вполне возможно. 15 сентября германский посол в Москве получил инструкции передать советской стороне, что «в случае отсутствия русского вмешательства, политический вакуум на землях, лежащих на запад от немецкой сферы влияния, может и не образоваться. Без вмешательства Советского правительства тут могут быть сформированы новые государства».¹⁰⁴

Угроза создания марионеточных «Украинского» и «Белорусского» государств была более чем недвусмысленной. А ведь реализацию именно этого сценария Москва пыталась столь упорно предотвратить.

Угрозами, кстати говоря, дело не ограничилось: примерно в это время начальник «Абвера» адмирал Канарис и начальник диверсионного отдела «Абвер-2» полковник Лахузен встретились с главой «Организации украинских националистов» Андреем Мельником. Канарис сообщил Мельнику о возможности создания «независимой» Западной Украины. И Мельник даже начал формировать «коалиционное правительство».¹⁰⁵ Заметки о возможности создания «независимой Украины» мы находим и в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера.

Как видим, угроза безопасности Советскому Союзу была объективной. И именно для устранения этой угрозы советские войска были введены на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Характерно, что информацию о введении в Польшу советских войск Москва передала Берлину в самый последний момент – в ночь на 17 сентября. Таким образом, Берлин был поставлен в ситуацию цейтнота и был лишен возможности протестовать против мотивировки советской акции. А мотивировка имела несомненный антигерманский подтекст. Кремль заявлял, что вводит войска для предотвращения угрозы своей безопасности и защиты украинского и белорусского населения. Защиты от кого, в официальном заявлении советского правительства не говорилось, но выбор был не особо велик.

Неудивительно поэтому, что когда о вступлении советских войск на территорию Польши сообщили начальнику оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генералу Йодлю, тот с беспокойством спросил: «Против кого?» Вопрос был уместным. Только 19 августа, спустя два дня после начала советских действий, Берлин подтвердил готовность выполнить соглашения, подписанные 23 августа.¹⁰⁶

Таким образом, введение советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии проводилось в полном соответствии с правом на «самопомощь». Необходимо отметить, что этим правом во время второй мировой войны более чем активно пользовались Великобритания, Франция и США.

Раздача жителям города Тарнополя
советских газет, 1939 г.

фото ИТАР-ТАСС

Введение советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии проводилось в полном соответствии с правом на «самопомощь». Необходимо отметить, что этим правом во время второй мировой войны более чем активно пользовались Великобритания, Франция и США.

В феврале 1940 года Великобритания и Франция спланировали военную оккупацию территории нейтральных скандинавских стран – Норвегии и Швеции. Операция сорвалась лишь потому, что Германия оккупировала Норвегию раньше. 10 мая того же года английские и французские войска оккупировали принадлежащие Голландии острова Аруба и Кюрасао, обосновав это стремлением предотвратить захват Германией ресурсов голландских колоний. После захвата Гитлером Дании сначала английские, а позже и американские войска высадились в состоявшей в унии с Данией Исландии. Наконец, в августе 1941 года для недопущения усиления позиций Германии в Иране, Великобритания и СССР совместно ввели туда войска.

Все эти акции по форме ничем не отличаются от введения советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. И если мы будем считать незаконными советские действия в сентябре 1939 года, то столь же незаконными и возмутительными следует признать действия Великобритании, Франции и США в 1940 – 1941 годах.

На самом деле введение советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии было проведено в соответствии с нормами действовавшего на тот момент международного права. Незаконной эта акция не являлась. ■

Кавалерийский отряд проходит по одной из улиц г.Гродно в дни присоединения Западной Белоруссии к СССР.

фото ИТАР-ТАСС

фото ИТАР-ТАСС

С прибывшего в г. Барановичи
поезда выгружают свежие газеты.

РГАСОД

Кавалерийский отряд проходит
по одной из улиц г. Гродно
в дни присоединения Западной
Белоруссии к СССР.

Вопрос №14

Вопрос № 14

БЫЛО ЗАКОННЫМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЕЙСТВОВАВШЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВКЛЮЧЕНИЕ В СОСТАВ СССР ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ?

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу было осуществлено решением местных Народных собраний, выборы в которые имели характер плебисцита.

Сегодня достаточно часто приходится слышать, что выборы в Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии были-де незаконны, поскольку осуществлялись в присутствии советских войск и были сфальсифицированы.

Однако в 1920 – 1945 годах плебисциты, подобные проведенным в Западной Украине и Западной Белоруссии, организовывались неоднократно. Они признавались международным сообществом несмотря на то, что зачастую проводились не только в присутствии войск заинтересованной стороны, но и в условиях прямого давления на голосовавших. Такими, например, были плебисциты 1921 года в Силезии (проходил в условиях террора польских войск по отношению к местному немецкому населению) и 1922 года в Виленском крае (проходил в условиях оккупации края польскими войсками).

Можно вспомнить и более интересный пример. Мы уже рассказывали о том, что после оккупации Дании нацистской Германией в 1940 году Великобритания и США, воспользовавшись правом на «самопомощь», ввели войска в Исландию – точно так же, как в 1939 году после разгрома Польши Советский Союз ввел войска в Западную Украину и Западную Белоруссию. В 1944 году в Исландии все еще стояли американские войска. В этих условиях был проведен референдум о прекращении унии с Данией. Согласно

В НАШИ ДНИ НИКТО НЕ СТАВИТ ПОД СОМНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ ИСЛАНДИИ. ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ МЫ ДОЛЖНЫ СТАВИТЬ ПОД СОМНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАПАДНО-УКРАИНСКИХ И ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ?

“Мы всю свою энергию и политическую деятельность направляли на оборону польских восточных территорий. И сейчас, помирая, я очень рад, что нам это не удалось. Смотри на ту страшную резню, которая идет в Югославии, понимаешь, что могло бы происходить на Волини и Восточной Галичине”

Министр иностранных дел
польского эмигрантского
правительства
Е. Рачинский,
1993 г.¹⁰⁷

Президиум Народного собрания
Западной Украины.

“Я... видел своими глазами народ, действительно освобожденный от ненавистного ему владычества, слышал разговоры, присутствовал в первый день на заседании народного собрания. Я был молод и неопытен, но все-таки в том, как и чему хлопают люди в зале, и почему они встают, и какие у них при этом лица, кажется мне, разбирался и тогда. Для меня не было вопроса: в Западной Белоруссии, где я оказался, белорусское население — а его было огромное большинство — было радо нашему приходу, хотело его”

К. Симонов,
«Глазами человека
моего поколения»

официальным данным, за разрыв унии проголосовало 98% избирателей. Вероятность, что эти результаты исландского плебисцита были, как минимум, частично подтасованы, отбросить нельзя.

Однако в наши дни никто не ставит под сомнение государственность и суверенитет Исландии. Так почему же мы должны ставить под сомнение государственно-территориальный статус западноукраинских и западнобелорусских земель?

Следует помнить, что Западная Украина и Западная Белоруссия не были этническими польскими территориями, это были земли, захваченные Польшей в 1921 году. Территории, на которых проводились «пацификации», а попросту говоря – карательные операции; территории, на которых уничтожались православные церкви, а лучшие земли заселялись польскими переселенцами. Варшава воспитала у населения Западной Украины и Западной Белоруссии колоссальную ненависть, и не случайно в сентябре 1939 года на этих землях стихийно, без всякой советской помощи, возникали повстанческие группы, нападавшие на отступающие польские части.

фото ИТАР-ТАСС

Все очевидцы сентябрьских событий 1939 года фиксируют энтузиазм местного украинского и белорусского населения, его желание воссоединиться со своими братьями. Об этом пишут даже те, кто к советской власти относился откровенно враждебно. И решения Народных собраний о присоединении СССР, безусловно, отвечали настроениям и желаниям большинства населения Западной Украины и Западной Белоруссии. И потому они, по словам юристов, «могут и должны считаться легитимными».¹⁰⁸

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР проходило с соблюдением действовавших норм международного права и в соответствии с волей подавляющего большинства населения этих земель. Рассматривать эти действия как противоправные невозможно. ■

Жители местечка Строгоны на митинге по случаю присоединения Западной Белоруссии в сентябре 1939 года.

Группа молодежи из г.Белостока направляется в агитационный велопробег, посвященный выборам в Народное собрание Западной Белоруссии.

РИАКОД

Колонна трудящихся Львова на праздновании 7 ноября.

фото ИТАР-ТАСС

Общий вид зала во время голосования делегатов Народного собрания Западной Украины за воссоединение с СССР.

РГАСОД

Митинг жителей г. Львова у памятника Адаму Мицкевичу.

РГАСОД

Вид зала заседания Народного собрания Западной Белоруссии в октябре 1939 года.

РГАСОД

Демонстрация на одной из улиц Гродно в честь присоединения Западной Белоруссии к СССР, 1939 г.

РГАСОД

Вопрос №15

Вопрос № 15

Правда ли, что в 1940 году в польских городах Кракове и Закопане проходили «конференции представителей НКВД и гестапо» и действовала «совместная школа НКВД и гестапо»?

Заявления о том, что польские города Краков и Закопане были в 1939 – 1940 годах центром сотрудничества между НКВД и гестапо, приходится слышать достаточно часто. В Кракове якобы проводились совместные конференции по «борьбе с польскими повстанцами», в Закопане – существовала совместная школа НКВД и гестапо. На самом деле это миф примерно того же свойства, что и подложенное «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо». К сожалению, им достаточно активно пользуются политически ангажированные публицисты и недобросовестные историки как в Польше, так и в России.

«Наиболее кошмарная в своих последствиях была III методическая конференция НКВД и гестапо, состоявшаяся 20 февраля 1940 г. в г. Закопане, – пишет, к примеру, польский священник Юзеф Дембиньский. – Немецкую делегацию возглавил Адольф Эйхман, а советскую – Григорий Литвинов. Принятые во время этой конференции постановления оказали чрезвычайно серьезное влияние на методы совершенного против польского народа геноцида».¹⁰⁹ Ему вторит российская исследовательница Наталья Лебедева, утверждающая, что «в Закопане в декабре 1939 г. был создан совместный учебный центр служб безопасности и проходили переговоры ответственных чинов гестапо и НКВД».¹¹⁰

Сомнительность этих утверждений видна невооруженным глазом. Например, Ю. Дембиньский в качестве глав делегаций называет Эйхмана и Литвинова. Однако Эйхман в феврале 1940 года был всего лишь референтом «еврейского» отдела гестапо и к борьбе с польским подпольем ни-

Это миф примерно того же свойства, что и подложенное «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо». К сожалению, им достаточно активно пользуются политически ангажированные публицисты и недобросовестные историки как в Польше, так и в России.

Советский дипломат Максим Литвинов
никакого отношения к борьбе с польским
подпольем не имел.

РИА "Новости"

В феврале 1940 года Адольф Зимман занимал малозначительную должность референта «еврейского» отдела гестапо, и борьбой с польским подпольем не занимался.

какого отношения не имел. С Литвиновым же дело обстоит еще «хуже». Если ввиду имеется дипломат Литвинов, то его звали все-таки не Григорием, а Максимом, и никакого отношения к борьбе с польским подпольем он опять-таки не имел. А в органах НКВД на руководящих должностях не было ни одного человека с такой фамилией.¹¹¹

Поиск первоисточника информации о «конференциях» НКВД и гестапо приводит нас к вышедшим в 1952 году в Лондоне воспоминаниям польского генерала Т. Бур-Комаровского, который со ссылкой на разведку польского подполья сообщает о том, что в Краков в марте 1940 г. приехала комиссия НКВД.¹¹²

Однако здесь мы имеем дело с ошибкой разведки. В Краков действительно приезжала советская делегация, однако никакого отношения к НКВД она не имела. Это установил российский историк О. Вишлев, обратившийся к данным германских архивов: «29—31 марта 1940 г. в Кракове находились представители советской комиссии, но не какой-то «особой комиссии НКВД», как вслед за Бор-Комаровским утверждают некоторые западные и отечественные авторы, а советской контрольно-пропускной комиссии по эвакуации беженцев. Эта комиссия, как и аналогичная германская, была образована на основе межправительственной договоренности. Советская делегация состояла из трех человек: В.С. Егнарова, И.И. Невского (соответственно председатель и член Советской главной комиссии по эвакуации беженцев) и В.Н. Лисина (член местной комиссии). В задачи делегации входило обсуждение ряда вопросов, связанных с организацией обмена беженцами, и подписание с представителями германской комиссии соответствующего протокола».¹¹³ Таким образом, в Кракове действительно проходила советско-германская конференция, однако посвящена она была не вопросам борьбы с польским подпольем, а вопросам по обмену беженцами.

Не выдерживает элементарной проверки и информация о существовании «совместной школы НКВД и гестапо в Закопане».

**НЕ ВЫДЕРЖИВАЕТ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПРОВЕРКИ И ИНФОРМАЦИЯ
О СУЩЕСТВОВАНИИ «СОВМЕСТНОЙ ШКОЛЫ НКВД И ГЕСТАПО В ЗАКОПАНЕ».**

вовании «совместной школы НКВД и гестапо в Закопане». Дело в том, что в 1939–1940 году в Закопане действительно имелась школа гестапо. Однако допускать в нее советских представителей никому и в голову бы не пришло: в этой школе проходили подготовку украинские националисты, которых планировали использовать против СССР.

Этот сюжет рассматривается в статье киевских историков Д. Веденеева и В. Егорова «Меч и тризуб. Заметки к истории Службы Безопасности ОУН».¹¹⁴ Если учесть, что Закопане – город маленький, то существование в нем одновременно двух школ гестапо – антисоветской и просоветской – просто-напросто невозможно. ■

Вопрос №16

Вопрос № 16

Правда ли, что уже в сентябре 1939 года Кремль спланировал включение в состав СССР стран Прибалтики?

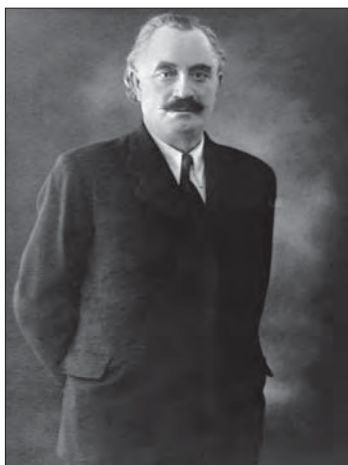
В прибалтийской историографии и политической публицистике отмечаются активные попытки напрямую «привязать» инкорпорацию Литвы, Латвии и Эстонии в состав Союза ССР летом 1940 года к «Пакту Молотова – Риббентропа», нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 года и встречному вводу частей Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 года.¹¹⁵ Однако действительности это не соответствует.

Утверждения о том, что присоединение Прибалтики тщательно планировалось сталинским руководством за годы до обострения ситуации на европейском театре военных действий весной 1940 года и полностью оформилось в перечень задач незадолго до или сразу после заключения советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, базируются, как правило, на весьма абстрактных рассуждениях о возрождении в СССР «имперской традиции и имперской идеологии, очевидно проявившей себя уже в 1935 году».¹¹⁶ Однако планирование территориальных приращений – это конкретная деятельность, а не введение в оборот некоторых риторических конструкций, касающихся обыгрывания «немецкой» и «прибалтийской» темы на историческом материале. Убедительных свидетельств кропотливой и последовательной работы советских стратегов и специалистов в 1935–1939 годах по территориально-политическому переустройству прибалтийского региона не существует. Наоборот, Кремль пытался извлечь дивиденды из сохранения «контролируемого суверенитета» Литвы, Латвии и Эстонии вплоть до мая 1940 года.

Договоры о взаимопомощи, заключенные в сентябре-октябре 1939 года Советским Союзом с прибалтийскими странами в условиях начавшейся Второй мировой войны,

“Мы не намереваемся затрагивать ни Ваши суверенитет, ни государственное устройство. Мы не собираемся навязывать Эстонии коммунизм. Мы не хотим затрагивать экономическую систему Эстонии. Эстония сохранит свою независимость, свое правительство, парламент, внешнюю и внутреннюю политику, армию и экономический строй. Мы не затронем всего этого”

Нарком
иностранных дел СССР
В. Молотов,
24 сентября 1939 г.¹¹⁷

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА
ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ.

РИА «Новости», STF

предусматривали размещение на их территории ограниченного контингента советских войск, что вполне устраивало Сталина. Об этом свидетельствует, например, конфиденциальный конспект беседы генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова со Сталиным. «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран, – сказал тогда Сталин. – Но для этого надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации».¹¹⁸ И действительно, войскам были даны самые строгие инструкции, касающиеся поведения в отношении населения и властей прибалтийских стран. Контакты красноармейцев с местными жителями были ограничены, однако само их присутствие дало прилив сил левому подполью.

Размещение советских войск в Литве, Латвии и Эстонии вызвало далеко не у всех в этих странах восторженные оценки, но их официальные представители, в том числе и в своем узком кругу, вынуждены были признавать корректность поведения советской стороны и определенные выгоды от развертывания баз. Так, литовский посланник в III Рейхе К. Шкирпа в беседе с советским диппредстави-

РГАКОД

ПОДПИСАНИЕ МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЛИТВЫ
СОВЕТСКО-ЛИТОВСКОГО ДОГОВОРА О ПЕРЕДАЧЕ
ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Г.ВИЛЬНО И ВИЛЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ.

телем в Берлине А.Шкварцевым заявил, что «размещение русских войск в Литве произошло совершенно безукоризненно». Схожие позиции, судя по докладу литовского посланника во Франции П.Климаса главе МИД Литвы Ю.Урбшису, высказывались и на закрытом совещании послов прибалтийских стран 28 ноября 1939 года в Париже: «Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений и не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских».¹¹⁹

При этом за дружественными улыбками властей прибалтийских стран в адрес Советского Союза пряталось их желание как-то оправдаться перед Лондоном, Парижем, Вашингтоном и фашистским Римом за тесное сотрудничество с большевистской Москвой, а также стремление выискивать формальные поводы для блокирования строительства военных объектов Красной Армии на своей территории. Об этом, например, свидетельствует проект литовской «Инструкции послам по поводу Московского договора» от 2 ноября 1939 года: «Было бы невыгодно, если

Кремль пытался извлечь дивиденды из сохранения «контролируемого суверенитета» Литвы, Латвии и Эстонии вплоть до мая 1940 года.

Подписание наркомом иностранных дел В. Молотовым Договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Латвийской Республикой.

Подписание латвийской стороной Договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Латвийской Республикой.

бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта».¹²⁰ И это притом, что Литва с радостью получила из рук Сталина Вильню и Виленскую область после падения Польши!

Одними дипломатическими кознями и проволочками саботирование договоренностей с Москвой вовсе не ограничивалось. Так, после ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 года ограниченного контингента войск Красной Армии в латвийском генштабе разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз.¹²¹ Следует отметить также, что в конце 1939 года латвийская и эстонская военная верхушка сохраняла конфиденциальные контакты с нацистами. Например, в ноябре состоялась встреча латвийского командующего Беркиса и начальника штаба армии Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отдела Абвера А.Целлариусом.¹²² Можно также отметить тот факт, что в ходе развернувшейся советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 – март 1940 года) отдел радиоразведки латвийской армии оказывал практическую помощь фин-

После ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 года ограниченного контингента войск Красной Армии в латвийском генштабе разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз.

Демонстрация трудящихся г.Риги в знак одобрения вступления советских войск в Латвию.

Делегаты Литовского народного сейма аплодируют после оглашения декларации о вступлении Литвы в состав СССР.

Железнодорожники качают члена полномочной комиссии Государственной Думы Эстонии Вейса после возвращения из Москвы, где Эстония была принята в состав СССР. Июль 1940 г.

ской стороне, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей.¹²³

В целом у руководства стран Прибалтики в конце 1939 года сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических – на Балтике. Но в мае-июне 1940 года ситуация в корне поменялась. Известный российский историк Елена Зубкова отмечает: «После того, как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией».¹²⁴

Можно констатировать, что неискренность прибалтийской верхушки в соблюдении договоров с СССР была важным фактором, в сочетании с лавинообразным нарастанием нацистской угрозы, побудившим Кремль оказать на эти страны жесткий нажим с целью смены там политических режимов и ввода дополнительных войск. ■

Вопрос №17

Вопрос № 17

БЫЛО ЛИ НЕЗАКОННЫМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЕЙСТВОВАВШЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПОДПИСАНИЕ В СЕНТЯБРЕ – ОКТЯБРЕ 1939 ГОДА ДОГОВОРОВ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ?

«Незаконность» советско-прибалтийских договоров о взаимопомощи обычно обосновывают незамысловато: рассказывают о том, что эти договоры были подписаны в результате советского военного и политического давления. И делают вывод: коль скоро договор был подписан под давлением, он является незаконным.

То, что Кремль действительно оказывал на прибалтийские власти давление во время переговоров, не подлежит сомнению. «Советую Вам пойти навстречу пожеланиям Советского Союза, чтобы избежать худшего, – говорил глава советского внешнеполитического ведомства Молотов своему эстонскому коллеге Сельтеру. – Не принуждайте Советский Союз применять силу для того, чтобы достичь своих целей... Если бы Вы и не согласились с нашим предложением, то Советский Союз осуществил бы меры

То, что советско-прибалтийские договоры о взаимопомощи были заключены под давлением, вовсе не делает их незаконными. Международное право того времени, в отличие от современного, не запрещало ни экономического, ни политического, ни даже военного давления – главное, чтобы дело не доходило до собственно войны.

РГАКФД

Демонстрация трудящихся Каунаса в честь принятия Литвы в состав СССР.

Вид площади во время митинга по случаю принятия Эстонии в состав СССР.

РГА Коп

“Хотел бы сделать несколько замечаний в отношении договора с юридической точки зрения... Этот договор между двумя государствами основывается на взаимности и равноправии. В нем подчеркивается наш мирный договор, суверенитет и оговорен срок его действия. На арендуемых территориях сохраняется наша юрисдикция. Подписанный договор не является каким-то новшеством – такие же базы были в Китае и Испании”

Член Государственной
думы Эстонии
А. Пийп,
2 октября 1939 г.¹²⁶

по своей безопасности другим способом, по своему желанию и без согласия Эстонии».¹²⁵

Однако то, что советско-прибалтийские договоры о взаимопомощи были заключены под давлением, вовсе не делает их незаконными. Международное право того времени, в отличие от современного, не запрещало ни экономического, ни политического, ни даже военного давления – главное, чтобы дело не доходило до собственно войны. И коль скоро военных действий не было, то все было законно: «хоть по принуждению, но захотела». Примеров подобной практики можно привести много. Весной 1938 года Польша, добиваясь официального признания Виленского края польской территорией, шантажировала Литву угрозой войны. Осенью 1938 года участники «Мюнхенского сговора» выворачивали руки чехословацкому правительству, вынуждая его отказаться от Судет. В марте 1939 года Берлин продиктовала Литве договор о передаче Германии Клайпеды (Мемеля). Все эти акции не вызывали протеста мирового сообщества: с формальной точки зрения они не противоречили действовавшему международному праву.

Не противоречили праву и заключенные осенью 1939 года советско-прибалтийские договоры о взаимопомощи. Это признают даже прибалтийские исследователи.

Демонстрация трудящихся г.Риги, посвященная принятию Латвии в состав СССР.

«Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи, – пишет эстонский юрист Лаури Мьялксоо. – Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными».¹²⁷ ■

Вопрос №18

Вопрос № 18

Правда ли, что уже в сентябре 1939 года органы НКВД СССР приступили к подготовке массовых репрессивных акций в странах Прибалтики?

От прибалтийских историков и политиков достаточно часто можно услышать о том, что первый «сверхсекретный» приказ о депортации из прибалтийских республик якобы был утвержден еще до включения их в состав Советского Союза – в 1939 году.¹²⁸

Об этом «сверхсекретном документе» подробно рассказывается в изданной в 1972 году в книге под названием «Балтийские государства 1940 – 1972»: «10 октября 1939 г., когда в Кремле состоялся прием в честь литовской делегации, днем раньше поставившей свои подписи под Пактом о взаимопомощи с Советским Союзом, генерал Серов, комиссар НКВД 3-го ранга, подписал угрожающий документ. Этот документ, отнесенный к разряду «чрезвычайно секретных», представлял собой инструкцию для офицеров НКВД, получивших направление на советские военные базы в Балтийские государства. Он назывался

РГА КВД

Члены Латвийского народного сейма
приветствуют демонстрантов.

РГАКОД

Внутренний вид зала заседаний Латвийского народного сейма.

«Депортация антисоветских элементов из Балтийских государств» и представлял собой длинную и подробную инструкцию в семи частях. После вступления, где описывалась общая ситуация и подчеркивалось величайшее политическое значение операции, инструкция переходила к конкретным указаниям для персонала о том, какие документы следует выдавать депортируемым, как забирать депортируемых из домов, как проводить отделение мужчин от семей, как организовывать конвой и как должна происходить погрузка депортированных на железнодорожных станциях».¹²⁹

Даже с точки зрения элементарной логики подобное утверждение выглядит крайне сомнительным. Во-первых, совершенно непонятно, как советские власти могли готовить депортацию из прибалтийских стран до их присоединения. Во-вторых, серьезные сомнения вызывают сроки: неужели подготовка к депортациям из прибалтийских республик велась более полутора лет?

Обращение к первоисточнику окончательно убеждает, что мы имеем дело с очередной ложью. Дело в том, что пресловутая «инструкция Серова» была впервые опубликована в 1941 году в напечатанной в Каунасе книге «Советский

РГАКОД

Президиум заседания Государственной Думы
Эстонии.

Союз и балтийские государства» («Die Sowjetunion und die baltische Staaten»). Издана эта книга на немецком и готовили ее, как нетрудно догадаться, сотрудники ведомства доктора Геббельса.¹³⁰

Более того, в начале девяностых годов российскими историками была обнародована реальная инструкция «для офицеров НКВД, получивших направление на советские военные базы в Балтийские государства» – директива НКВД СССР № 4/59594 от 19 октября 1939 г. «Об оперативном обслуживании частей, дислоцированных на территории Эстонии, Латвии и Литвы».

Излишне говорить, что никаких упоминаний о подготовке к депортации в этой директиве не обнаружилось; начальникам особых отделов частей, расположенных на территории прибалтийских республик предписывалось всего лишь активизировать борьбу со шпионажем, а так же следить за поведением командиров и красноармейцев «в целях своевременного выявления и пресечения

Пресловутая «инструкция Серова» была впервые опубликована в 1941 году в напечатанной в Казане книге «Советский Союз и балтийские государства» («Die Sowjetunion und die baltische Staaten»). Издана эта книга на немецком и готовили ее, как нетрудно догадаться, сотрудники ведомства доктора Геббельса.

РГАКОД

Делегация Эстонии на сессии Верховного
Совета СССР в Кремле.

случаев дискредитации высокого звания представителя Красной Армии и Флота Советского Союза».¹³¹

Поиски «инструкции Серова» в Центральном архиве ФСБ результатов, естественно, не дали. Зато выяснилось обстоятельство, свидетельствующее о поддельности этого документа. Дело в том, что 11 октября 1939 года, когда Серов якобы подписывал этот документ, он работал наркомом внутренних дел УССР и, как справедливо замечает российский историк Павел Полян, «ни при каких обстоятельствах не мог издавать документы общесоюзного уровня».¹³²

Осознавая крайнюю уязвимость для критики рассказов о подготовке депортации в 1939 году, некоторые прибалтийские историки предпочитают говорить о подготовке депортации уже не в 1939, а в 1940 г. Например, в официальной «Белой книге о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями» мы читаем следующее: «Хотя т.н. «документ Серова», касающийся Балтийских государств, датирован неправильно, это не изменяет сути произошедшего... В Эстонии подготовка к массовым депортациям т.н. социально опасного элемента началась в соответствии с распоряжением НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г.»¹³³

В существовании распоряжения НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г., на который в качестве доказательства подготовки депортации ссылаются авторы «Белой книги», сомневаться

не приходится. Однако никакого отношения к подготовке депортации этот документ не имеет. Как пишут сами эстонские историки, согласно распоряжению № 288 НКВД Эстонской ССР предписывалось всего лишь «завести картотеку по т.н. контрреволюционному и антисоветскому элементу».¹³⁴

Создание картотеки учета контрреволюционного и антисоветского элемента никак не может рассматриваться в качестве доказательства подготовки депортации. Во все времена и во всех странах соответствующими структурами велись картотеки политически неблагонадежных лиц. Это – одна из основ деятельности служб государственной безопасности. В 30-х – 40-х гг. XX века подобные картотеки имелись далеко не только в Советском Союзе; имеются они и сейчас, в том числе и в современных прибалтийских государствах. Следует ли из этого, что в независимой Прибалтике готовились или готовятся массовые депортации?

Таким образом, никаких доказательств тому, что подготовка к депортации начала проводиться еще в 1940 году, прибалтийскими историками не предъявлено. Это не удивительно – ведь представить доказательства того, чего не было, весьма проблематично.

Российские историки давно обнародовали факт, ставящий крест на любых рассуждениях о начале подготовки депортации из Прибалтики в 1940 году. Июньская депортация 1941 года осуществлялась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента». Постановление это разрабатывалось руководством НКВД; первоначально депортацию планировалось провести лишь с территории Литвы. Латвия и Эстония были добавлены в проект постановления в самый последний момент. Проект даже не успели перепечатать – слова «Латвийская и Эстонская ССР» вписаны в него от руки.¹³⁵ Таким образом, решение о депортации из Прибалтики было принято советским руководством не в 1939-м, и не в 1940-м, а только в 1941-м году – в связи с приближением войны с нацистской Германией. ■

НИКАКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ТОМУ, ЧТО ПОДГОТОВКА К ДЕПОРТАЦИИ НАЧАЛА ПРОВОДИТЬСЯ ЕЩЕ В 1940 ГОДУ, ПРИБАЛТИЙСКИМИ ИСТОРИКАМИ НЕ ПРЕДЪЯВЛЕНО. ЭТО НЕ УДИВИТЕЛЬНО – ВЕДЬ ПРЕДСТАВИТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧЕГО НЕ БЫЛО, ВЕСЬМА ПРОБЛЕМАТИЧНО.

Вопрос №19

Вопрос № 19

Можно ли говорить о нейтральном статусе Советского Союза в сентябре 1939 – июне 1941 годов?

Нейтральный статус Советского Союза в 1939 – 1941 годах был международно-признанным и не подвергался сомнениям. Мы уже упоминали, что после введения советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии ни Франция, ни Великобритания, ни даже Польша не квалифицировали эту операцию как акт войны. 17 сентября 1939 года Советский Союз официально заявил о своем нейтральном статусе.

Достаточно часто приходится слышать, что коль скоро СССР вел торговлю с Берлином, то он не может считаться нейтральным государством. Однако это безосновательный домысел, с правовой точки зрения абсолютно несостоятельный. Никто, например, не ставит под сомнения нейтральный статус Швеции во второй мировой войны – несмотря на весьма активные поставки стратегического сырья нацистской Германии.¹³⁶ Не подвергается сомнению и нейтральный статус Соединенных Штатов в 1939 – 1941 года – несмотря на поставки американского оружия Великобритании. Так что отказать СССР в нейтральном статусе на том основании, что он торговал с Германией, невозможно. Характерно, что современники этого и не делали; например, в 1940 году президент США Франклин Рузвельт объяснял избирателям, что поставки воюющей стране не являются нарушением нейтралитета. В качестве примера он ссылался на прецеденты СССР и Швеции.

Утверждают, что Советский Союз не был нейтральным, поскольку в сентябре 1939 года предоставил немецким судам убежище в своих портах. Однако Швеция не потеряла своего нейтрального статуса, когда после напа-

Президент США Франклин Рузвельт считал, что поставки воюющей стране не являются нарушением нейтралитета.

Никто, например, не ставит под сомнения нейтральный статус Швеции во второй мировой войны – несмотря на весьма активные поставки стратегического сырья нацистской Германии.

Швеция не потеряла своего нейтрального статуса, когда после нападения Германии на СССР разрешила транзит через свою территорию немецких войск. Не перестали официально быть нейтральными и США, когда в 1941 году ввели войска на территорию Исландии.

“Защитникам демократии, сражающимся на передовой, мы должны посылать каждую тонну, каждую унцию военного снаряжения и припасов, которыми только сможем поделиться. При этом мы не больше нарушим свой нейтралитет, чем его нарушают Швеция, Россия и другие соседние с Германией страны, которые ежедневно отправляют в Германию сталь, руду, нефть и другое стратегическое сырье.”

Президент США
Франклин Рузвельт,
29 декабря 1940 г. ¹³⁸

дения Германии на СССР разрешила транзит через свою территорию немецких войск. Не перестали официально быть нейтральными и США, когда в 1941 году ввели войска на территорию Исландии. Так что и здесь отказать СССР в нейтральном статусе без применения двойных стандартов не получается.

«Участие в войне фиксируется либо юридически (объявление войны), либо путем открытого участия войск в военных действиях, – замечает в этой связи российский историк Александр Шубин. – Остальное – схоластика. Если оставаться на почве исторической науки, СССР вступил в мировую войну 22 июня 1941 г.»¹³⁷

Некоторых читателей при оценке нейтрального статуса СССР на начальном этапе Второй мировой войны может смутить название советско-германского договора «о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 года. Однако применение сталинской дипломатией крайне неудачного и позорного, на наш взгляд, риторического приема со словом «дружба» – для демонстрации Берлину неукоснительной приверженности ранее утвержденным и вновь достигнутым договоренностям – вовсе не означало перехода СССР в стан Антикоминтерновского пакта, в число реальных военно-политических союзников Гитлера. Сколь бы ни было велико удивление и неприятие на Западе в связи с употреблением слова «дружба» в названии данного договора, но в политическом истеблишменте воюющих с Германией Франции и Великобритании, а также нейтральных США не придавали ему расширительного толкования и не рассматривали в этот период СССР как своего врага или союзника своего врага. И это при всех трениях из-за советско-финской войны. ■

Вопрос №20

Вопрос № 20

КАКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, СОХРАНИВШИЕСЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ, СВЯЗЫВАЮТ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ «ПАКТА МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА»?

Как уже говорилось, советско-германский договор о ненападении, а равно и секретные приложения к нему, не регламентировал какого-либо территориально-государственного передела в Европе, разграничивая при этом «сферы интересов». То, что Западная Украина, Западная Белоруссия и другие территории в советской «сфере интересов» могут быть присоединены к СССР, в документах

Дети дарят цветы бойцам Красной Армии во время парада в связи с освобождением Бессарабии. Кишинев, 3 июля 1940 года.

Фото ИТАР-ТАСС

Очертания современных границ в Европе связаны с комплексом мер по созданию послевоенного мироустройства, признанием нерушимости послевоенных границ Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также последовавшим в 1991 году распадом СССР.

не оговаривалось. Прямых юридических последствий у этого договора до сего дня не сохранилось. Существуют различные подходы к оценке сроков окончания действия советско-германского договора о ненападении.

24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР признал «секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Помимо этой политической оценки *post factum* можно выделить и формально-хронологическую границу прекращения действия советско-германского договора о ненападении – 22 июня 1941 года, в день вероломного нападения нацистской Германии на СССР. В любом случае, очертания современных границ в Европе связаны с комплексом мер по созданию послевоенного мироустройства, признанием нерушимости послевоенных границ Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также последовавшим в 1991 году распадом СССР.

Если же понимать спекуляции о «плодах пакта» в смысле территорий, приобретенных СССР в период с 23 августа 1939 года по 22 июня 1941 года, то окажется, что современная Россия вовсе не входит в число стран, «пользующихся результатами пакта». Территориальными приобретениями СССР пользуются нынешняя Литва (Виленский край), Белоруссия (западные области страны), Украина (западные области страны) и Молдавия (вся территория страны без Приднестровья). ■

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Совершенно секретно! Только для командования!: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 42 – 43.
- ² **Майский И.М.** Дневник дипломата: Лондон, 1934 – 1943 / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2006. Кн. 1. С. 45.
- ³ **Кен О., Рупасов А.** Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 104, 406 – 411.
- ⁴ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939: Советско-польские конфликты, 1918 – 1939. М., 2009. С. 182.
- ⁵ Год кризиса, 1938 – 1939. М., 1990. Т. 1. С. 6.
- ⁶ Мировые войны XX века. М., 2005. Кн. 4. С. 29.
- ⁷ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 168.
- ⁸ Там же. С. 170.
- ⁹ Там же. С. 174.
- ¹⁰ Там же. С. 179.
- ¹¹ **Черчилль У.** Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 151 – 152.
- ¹² **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 195.
- ¹³ Там же. С. 176.
- ¹⁴ Тайный сговор НКВД и гестапо // Память. 1999. № 1(26). Электронная публикация: <http://www.pamyat.ru/gestapo.html>
- ¹⁵ Следует заметить, что ссылка на фонд 13 Архива ЦК КПСС содержится и в других подложных документах, связанных с «Генеральным соглашением». Подробнее см.: Костырченко Г. «Расовые инструкции Берии»: По поводу публикации одной фальшивки // Лехаим. 2002. № 5.
- ¹⁶ См., напр.: **Дейч М.** Сталин, Берия и папаша Мюллер // Московский комсомолец. 31.07.2002; **Дашевский В.** Ложь для широкого круга // Новое время. 2002. № 48.
- ¹⁷ НКВД – гестапо (1938): По следам истоков. Геннадий Меш – Владимир Федько // Русский глобус. 2004. № 6. Электронная публикация: http://www.russiaglobe.com/N28/NKVD_GESTAPO.About.htm
- ¹⁸ Подробный разбор фальшивок и ложных утверждений, использованных в этом псевдодокументальном фильме см.: **Дюков А.Р.** «The Soviet Story»: Механизм лжи; **Dyukov A.** «The Soviet Story»: Forgery Tissue. М., 2008. Согласно заключению специалистов факультета психологии Московского государственного университета, фильм прямо направлен на разжигание межнациональной ненависти.
- ¹⁹ **Станкерас П.** Литовские полицейские батальоны, 1941 – 1945 годы. М., 2009. С. 23 – 24.
- ²⁰ **Кен О., Рупасов А.** Политбюро ЦК ВКП(б)... Кн. 1. С. 107, ссылка 129.

- ²¹ Там же. С. 104.
- ²² Там же. С. 106.
- ²³ **Кен О., Рупасов А.** Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917-1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002.
- ²⁴ Правда. 1936. 5 марта.
- ²⁵ **Быстрянский В.** Предисловие // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Рязань, 2009. С. VI.
- ²⁶ **Кен О., Рупасов А.** Москва и страны Балтии...
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ **Дюллен С.** Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930 – 1939 гг. М., 2009. С. 93.
- ²⁹ **Кен О., Рупасов А.** Политбюро ЦК ВКП(б)... Кн. 1. С. 491.
- ³⁰ Год кризиса. Т. 1. С. 121.
- ³¹ Там же. С. 147.
- ³² Там же. С. 168 – 169, 176.
- ³³ **Черчилль У.** Вторая мировая война. Т. 1. С. 189.
- ³⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 371.
- ³⁵ Там же. С. 355.
- ³⁶ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 232.
- ³⁷ **Майский И.М.** Воспоминания советского дипломата, 1925 – 1945. Ташкент, 1980. С. 350.
- ³⁸ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 238.
- ³⁹ Мировые войны XX века. Т. 4. С. 72.
- ⁴⁰ Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии, январь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008. С. 118.
- ⁴¹ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 234.
- ⁴² Там же. С. 239.
- ⁴³ Мировые войны XX века. Т. 4. С. 74 – 75.
- ⁴⁴ **Майский И.М.** Дневник дипломата. Кн. 1. С. 501.
- ⁴⁵ **Майский И.М.** Воспоминания советского дипломата... С. 371.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ.
- ⁴⁷ **Майский И.М.** Воспоминания советского дипломата... С. 371.
- ⁴⁸ **Ильмарв М.** Балтийские страны в 1939 - 1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939 - 1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.
- ⁴⁹ **Черчилль У.** Вторая мировая война. Т. 1. С. 181.
- ⁵⁰ Прибалтика и геополитика (1935 – 1945): Сборник документов / Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2006. С. 66.

- ⁵¹ **Ilmjärv M.** Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn, 2004. lk. 558.
- ⁵² **Кен О., Рупасов А.** Москва и страны Балтии.
- ⁵³ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1990. С. 108.
- ⁵⁴ **Фирсов Ф.И.** Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939 — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 19.
- ⁵⁵ Год кризиса. Т. 1. С. 35.
- ⁵⁶ Прибалтика и геополитика. С. 97 – 98.
- ⁵⁷ Мировые войны XX века. Т. 4. С. 82 – 83.
- ⁵⁸ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус західноукраїнських земель у період Другої світової війни (1939 - 1945 рр.): історико-правове дослідження. Київ, 2007. С. 101.
- ⁵⁹ **Морозов С.В.** К вопросу о секретном приложении к польско-германской декларации от 26 января 1934 года // Юрист-международник. 2004. № 4.
- ⁶⁰ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 178 – 179.
- ⁶¹ Там же. С. 197.
- ⁶² Прибалтика и геополитика. С. 98.
- ⁶³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 142 – 143, 193 – 195.
- ⁶⁴ Мировые войны XX века. Т. 4. С. 81 – 82.
- ⁶⁵ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 98.
- ⁶⁶ Там же. С. 100.
- ⁶⁷ **Шубин А.В.** Мир на краю бездны: От глобального кризиса к мировой войне, 1929 – 1941 годы. М., 204. С. 287.
- ⁶⁸ **Taylor A.** The Origins of the Second World War. New York, 1962. P. 262.
- ⁶⁹ Год кризиса. Т. 1. С. 36.
- ⁷⁰ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 242.
- ⁷¹ Мировые войны XX века. Т. 4. С. 65 – 66.
- ⁷² Там же. С. 66.
- ⁷³ **Случ С.З.** Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939 - 1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 76.
- ⁷⁴ Там же. С. 78 – 79.
- ⁷⁵ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 244.
- ⁷⁶ Там же. С. 248.
- ⁷⁷ **Случ С.З.** Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1.
- ⁷⁸ Военная разведка информирует. С. 113.
- ⁷⁹ Там же. С. 120 – 121.
- ⁸⁰ **Майский И.М.** Дневник дипломата. Кн. 1.

- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 104.
- ⁸⁴ **Черчилль У.** Вторая мировая война. Т. 1. С. 218.
- ⁸⁵ Прибалтика и геополитика. С. 119.
- ⁸⁶ Военная разведка информирует. С. 123.
- ⁸⁷ **Зимонин В.П.** Новый труд о мировых войнах XX века // Отечественная история. 2004. №1. С. 162.
- ⁸⁸ От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. С. 111.
- ⁸⁹ **Андерс В.** Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 235.
- ⁹⁰ **Лебедева Н.С.** Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война, 1939 – 1945. М., 1996. С. 255.
- ⁹¹ **Климковский Е.** Я был адъютантом Андерса. М., 1991. С. 22 – 23.
- ⁹² **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 288, 301 – 303, 318.
- ⁹³ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 111 – 112.
- ⁹⁴ **Мельтюхов М.И.** 17 сентября 1939. С. 542.
- ⁹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 96.
- ⁹⁶ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 112.
- ⁹⁷ Там же. С. 113 – 114.
- ⁹⁸ Катынь. Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1999. С. 65.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 113 – 114.
- ¹⁰¹ Там же. С. 114 – 115.
- ¹⁰² Там же. С. 115.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Washington, 1954. Series D. Vol. VIII. P. 69.
- ¹⁰⁵ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 102 – 103.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 109.
- ¹⁰⁷ **Макарчук В.С.** Державно-територіальний статус... С. 40.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 134.
- ¹⁰⁹ http://www.voskresenie.niedziela.pl/...i&id_art=00005
- ¹¹⁰ **Лебедева Н.С.** Четвертый раздел Польши и катынская трагедия. 252.
- ¹¹¹ См.: **Петров Н.В., Скоркин К.В.** Кто руководил НКВД, 1934 – 1941: Справочник. М., 1999.
- ¹¹² **Kolakowski P.** NKWD i GRU na ziemiach polskich, 1939 – 1945. Warszawa, 2002. S. 67.
- ¹¹³ **Вишнёв О.В.** Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- ¹¹⁴ **Веденеев Д., Егоров В.** Меч і тризуб. Нотатки до історії Служби безпеки Організації

- українських націоналістів // 3 архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 1998. № 1-2.
- ¹¹⁵ См., например: **Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.** Latvija Otrajā pasaules karā (1939-1945). Rīga, 2008. 114., 115. lpp.
- ¹¹⁶ **Зубкова Е.Ю.** Прибалтика и Кремль, 1940 – 1953. М., 2008. С. 94.
- ¹¹⁷ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах... С. 137.
- ¹¹⁸ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Вильнюс, 2006. Т. 1. С. 305.
- ¹¹⁹ Там же. С. 364.
- ¹²⁰ Там же. С. 339, 341.
- ¹²¹ Интересно, что подобный вариант развития событий предсказывался Сталиным в ходе переговоров с министром иностранных дел Эстонии Сельтером 28 сентября 1939 года. «Не должно быть слишком мало войск, – объяснял Сталин главе эстонского внешнеполитического ведомства. – Окружите и уничтожьте». См.: От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах... С. 184.
- ¹²² **Rislaki J.** Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonen. Rīga, 2004. 138. lpp.
- ¹²³ Latvijas arhīvi. 1999. Nr. 1. 121., 122. lpp.
- ¹²⁴ **Зубкова Е.Ю.** Прибалтика и Кремль. С. 77.
- ¹²⁵ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах... С. 139 – 140.
- ¹²⁶ Там же. С. 206.
- ¹²⁷ **Мялксо Л.** Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940 – 1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 123.
- ¹²⁸ Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940 – 1991. Таллинн, 2005. С. 14.
- ¹²⁹ На чаше весов. Эстония и Советский Союз: 1940 год и его последствия. Таллинн, 1999. С. 421; The Baltic States 1940-1972: Documentary background and survey of developments presented to the European Security and Cooperation Conference. Stockholm, 1972. P. 49 – 50. Впервые подобное утверждение появилось в изданной в 1951 году в Стокгольме книге «Эти имена обвиняют. Промежуточный перечень латвийских граждан, депортированных в Советскую Россию в 1940 – 41 гг.», переизданной в 1982 году.
- ¹³⁰ Estonia, 1940 – 1945: Reports of Estonian International Commission for the investigation of crimes against humanity. Tallinn, 2006. P. 380.
- ¹³¹ Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов (далее – ОГБ). М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 110 – 111; На чаше весов. С. 92 – 93.
- ¹³² Сталинские депортации, 1928 – 1953: Сборник документов. М., 2005. С. 780.
- ¹³³ Белая книга. С. 14.

¹³⁴ Там же. С. 27.

¹³⁵ История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 1. С. 394 – 395; Сталинские депортации. С. 215 – 217; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946: Документы. М., 2006. С. 277 – 279; ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 1. Л. 42 – 47; РГНИ. Ф. 69. Оп. 18. Д. 3. Л. 2 – 6. См. так же: ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 531 – 532.

¹³⁶ **Ямпольский В.А., Шумилова Е.В.** Нейтральные страны в годы Второй мировой войны // Лубянка. М., 2008. Вып. 8. С. 245 – 249.

¹³⁷ **Шубин А.В.** Мир на краю бездны... С. 377.

¹³⁸ **Рузвельт Ф.** Беседы у камина. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
--------------------------	---

Вопрос № 1 Утверждается, что заключение «пакта Молотова-Риббентропа» было предопределено тоталитарной сущностью нацистского и сталинского режимов. Насколько последовательно Москва и Берлин шли к заключению подобного пакта со времен установления нацистского режима в Германии и укрепления сталинского – в СССР?	11
--	----

Вопрос № 2 Правда ли, что еще в ноябре 1938 года было подписано «Генеральное соглашение между НКВД и Гестапо», свидетельствующее о тесном сотрудничестве советского и нацистского режимов?	21
---	----

Вопрос № 3 Какими военно-политическими мотивами руководствовался Кремль при заключении советско-германского договора о ненападении?	27
--	----

Вопрос № 4 Правда ли, что советское руководство намеренно сорвало подписание соглашения с Великобританией и Францией летом 1939 года?	37
--	----

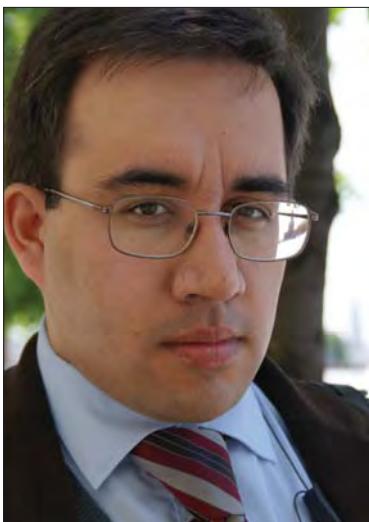
Вопрос № 5 Повлияли ли на решение Кремля заключить договор о ненападении с Германией действия стран Прибалтики летом 1939 года?	47
--	----

Вопрос № 6 Каковы могли быть альтернативы подписания советско-германского договора о ненападении?	55
--	----

Вопрос № 7 Правда ли, что советско-германский договор о ненападении 1939 года и его секретные приложения не имели прецедентов в международной дипломатической практике и являлись незаконными с точки зрения действовавшего международного права?	61
--	----

Вопрос № 8 Каковы отличия «Мюнхенского сговора» от «Пакта Молотова-Риббентропа»?	69
Вопрос № 9 Предопределило ли заключение советско-германского договора о ненападении агрессию Германии против Польши?	77
Вопрос № 10 Правда ли, что советское руководство считало неизбежным нападение Германии на Польшу после подписания советско-германского договора о ненападении?	85
Вопрос № 11 Содержал ли в себе советско-германский договор о ненападении стратегический потенциал сдерживания нацистской агрессии на восток и, если это так, удалось ли этим потенциалом в дальнейшем воспользоваться странам Антигитлеровской коалиции?	91
Вопрос № 12 Повлияло ли вступление войск Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии на исход германо-польской войны?	99
Вопрос № 13 Было ли введение войск Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии незаконным с точки зрения действовавшего международного права?	107
Вопрос № 14 Было законным с точки зрения действовавшего международного права включение в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии?	119
Вопрос № 15 Правда ли, что в 1940 году в польских городах Кракове и Закопане проходили «конференции представителей НКВД и гестапо» и действовала «совместная школа НКВД и гестапо»?	127
Вопрос № 16 Правда ли, что уже в сентябре 1939 года Кремль спланировал включение в состав СССР стран Прибалтики?	133

Вопрос № 17 Было ли незаконным с точки зрения действовавшего международного права подписание в сентябре - октябре 1939 года договоров о взаимопомощи между СССР и странами Прибалтики?	141
Вопрос № 18 Правда ли, что уже в сентябре 1939 года органы НКВД СССР приступили к подготовке массовых репрессивных акций в странах Прибалтики?.....	147
Вопрос № 19 Можно ли говорить о нейтральном статусе Советского Союза в сентябре 1939 - июне 1941 годов?.....	155
Вопрос № 20 Какие территориальные изменения в Восточной Европе, сохранившиеся до наших дней, связывают с последствиями «пакта Молотова-Риббентропа»?.....	159
Примечания	162

ОБ АВТОРЕ

Александр Дюков (1978 г.р.) – директор фонда «Историческая память». В 2004 году окончил Историко-архивный институт (Москва), защитив дипломную работу по теме «Становление и развитие системы управления советским партизанским движением, 1941 — 1943 гг.» Автор книг «За что сражались советские люди» (2007), «Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии, 1940 — 1953» (2007, эстонское издание 2009), «Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса» (2008, второе издание 2009), «The Soviet Story»: Механизм лжи» (2008), «Милость к павшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике» (2009), а так же более 60 научных и публицистических статей по вопросам истории XX века. Сфера научных интересов — история советского партизанского движения, нацистской оккупации, деятельность националистических вооруженных формирований, репрессивная деятельность советских властей в Прибалтике и на Западной Украине, политизация истории. В настоящее время работает над книгой о международном кризисе 1938 – 1941 гг.

О ФОНДЕ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» – некоммерческая организация, основанная осенью 2008 года. Главная задача фонда – содействие объективным научным исследованиям актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века. В 2008 – 2009 годах поддержке фонда вышли следующие книги:

1. **Дюков А.Р.** «The Soviet Story»: Механизм лжи / **Dyukov A.** “The Soviet Story”: Forgery Tissue. М.: Фонд «Историческая память», 2008.
2. Общая трагедия. Блокада. Холокост. М.: Фонд «Историческая память»; Центр и Фонд «Холокост», 2009.
3. Хатынь: Трагедия и память. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2009.
4. Голод в СССР, 1930 – 1934. М.: Федеральное архивное агентство России, 2009.
5. **Djukov A.** Deporteerimised Eestis: Kuidas see toimus tegalikult. Tallinn: Tarbeinfo, 2009.
6. **Дюков А.Р.** Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М.: Фонд «Историческая память», 2009.
7. Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: Фонд «Историческая память», 2009.
8. **Дюков А.Р.** Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». / 2-е изд. испр. и доп. М.: Фонд «Историческая память», 2009.
9. Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1. Западная Украина 1945 года. М.: «Историческая память»; 2009.

Александр Решидеович Дюков

«Пакт Молотова-Риббентропа»
в вопросах и ответах

Редактор	В.В. Симиндей
Бильд-редактор	Д.С. Валиева
Дизайн и верстка	Т.В. Елесина
Корректор	Н.Ф. Михайлова

Фото на обложке: РГАКФД

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям

«Историческая память»

119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 10/2

Тел./Факс (495) 927-01-93

www.historyfoundation.ru

historyfoundation.ru@gmail.com

Подписано в печать 17.08.2009. Формат 70х100/6.

Бумага мелованная 115 г/м². Гарнитура Minion, Rodchenko. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Стрит принт»

Москва, ул. Дербеневская, д. 20, стр. 2.